Девушка с Земли

Автор:
Джанет Эдвардс

Девушка с Земли

Джанет Эдвардс

Сверхновая

2788 год. Люди заселяют другие планеты и путешествуют между ними при помощи многочисленных порталов. А вот на родной для человечества Земле, пришедшей в упадок, по жестокой иронии судьбы живут только «инвалиды» – люди с врожденным дефектом иммунной системы, не позволяющим находится в других мирах. Одна из них – восемнадцатилетняя Джарра. Лишенная любви настоящих родителей и возможности путешествовать по галактике, девушка намерена доказать, что она ничуть не хуже других.

Джанет Эдвардс

Девушка с Земли

Copyright © Janet Edwards 2012

© Е. Музыкантова, Е. Носарева, Е. Рихтер, А. Щеглова, А. Солдатова, Е. Высовень, Р. Закирова, К. Эбауэр, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Именно в день Уоллама-Крейна я наконец решила, куда же пойду на подготовительное отделение. Утром я получила видеописьмо от Иссетт. Она скакала в пижаме по кровати, размахивая подушкой и скандируя: «Решайся, Джарра! Ну же! Давай! Решайся, решайся, решайся, подружка!» Все это она распевала на мотив новой песни Зена Аррата. Иссетт с ума по нему сходит, но мне не особо нравятся его ноги.

Иссетт – это моя лучшая подруга. Нам обеим по семнадцать лет, мы вместе еще с яслей, а потом жили в соседних комнатах и в Доме, и в Следующем шаге. Иссетт давным-давно подала документы на подготовительный курс медицинского. Она организованная и надежная. А вот я – нет. Большинство моих друзей тоже уже определились со своим будущим – кроме Кеона, который собирался просто валять дурака. Он всю школу только этим и занимался и, должна признать, весьма преуспел.

Мне не улыбалось стать еще одним Кеоном, поэтому нужно было принять решение, да побыстрее. Последний срок подачи документов – через день после праздника.

Да, как и во всех других мирах, здесь, на Земле, день Уоллама-Крейна считается праздником, но по определенным причинам мы не отмечаем его с таким же размахом, как остальные. Таддеус Уоллам-Крейн изобрел портал и подарил человечеству звезды, но каждый из нас, землян, – это тот самый «один из тысячи», опоздавший на раздачу билетов во Вселенную.

Одно из моих тайных желаний – создать машину времени и перенестись назад почти на шестьсот пятьдесят лет, в пятнадцатое ноября две тысячи сто сорок второго года. И задушить Уоллама-Крейна в колыбели. Не будь его, меня бы считали нормальной, вместо того чтобы ставить клеймо «примата» и «выродка». Да, я одна из них. Вежливые люди скажут «инвалид», но вы не стесняйтесь, зовите меня обезьяной, если вам так больше нравится. Что так, что эдак – разницы никакой. Из-за парадоксальной реакции иммунитета я могу жить только на Земле. Я пленница, и это пожизненное заключение.

Если вы все еще читаете это, то могу себе представить ваш шок – как же, девчонка-обезьяна умеет писать!

«Обалдеть! Полный отпад!» – неверяще кричите вы друзьям, но знайте: на самом деле я такая же, как и вы. И это вы могли оказаться на Земле, в то время как я путешествовала бы между мирами – конечно, если бы выпала другая комбинация чисел. У вас может родиться ребенок с теми же проблемами, что у меня, и его тоже придется срочно отправить на Землю, чтобы он не умер.

Мой психолог утверждает, что вы, нормалы, нас боитесь. Потому и придумываете нам клички и верите в глупые предрассудки. Все это мы видим по телику. Путешествуешь на позднем сроке беременности – ребенок станет приматом. Будешь есть в положении карантовое желе – родится обезьяна. Когда последняя страшилка прогремела в новостях, все повыкидывали свои банки с карантовым желе, а толку никакого.

Все это ерунда. Лучшие умы сотни лет искали выход, но результата по-прежнему нет. Любой другой недостаток можно не замечать или исправить, но не этот. Едите вы карантовое желе или нет – у вас может родиться такой же ребенок, как я. Возможно, однажды лекарство все же найдется, но с моим везением готова поспорить, что к тому моменту я уже умру. Скорее всего, за день до счастливого события, чтобы судьба в последний раз могла всласть надо мной посмеяться.

Еще мой психолог говорит, что во мне скопилась уйма неизрасходованной горечи и злости. Он прав. Вы, наверное, и сами уже заметили. Особенно горько я себя чувствовала пятнадцатого ноября две тысячи семьсот восемьдесят восьмого. Через полчаса я должна была встретиться с Кэндис и рассказать ей, куда хочу поступать, кем быть и что вообще собираюсь делать всю свою дальнейшую жизнь. Я до сих пор не приняла окончательное решение, и мне следовало все хорошенько обдумать. И, естественно, я тянула время, смотря телик.

Все информационные каналы крутили спецвыпуски программ к годовщине праздника. Половина из них показывала ту старую запись первого эксперимента, которую все уже тысячу раз видели. Уоллам-Крейн самодовольно ухмыляется в камеру и говорит: «Это маленький шаг для одного человека, но огромный скачок – для всего человечества». А вы знаете, что он украл эту фразу у первого космонавта, совершившего высадку на Луне? Вы вообще слышали, что туда

летали на ракетах задолго до изобретения порталов? Скорее всего, нет. Что ж, вот вам кусочек доистории, причем совершенно бесплатно.

По остальным каналам тоже крутили либо нарезки о первых межзвездных порталах, либо передачи о веке Исхода, когда на Земле мало кто остался. Я переключила на развлекательные каналы, но там везде показывали «звезд» – как они напиваются или зажигают на мегавечеринках. На экране мелькнул главный актер нового сериала «Защитники», Аррак Сан-Домекс. Вот у этого парня ноги что надо! Обожаю те серии, где он, настоящий секс-символ и герой в облегающей военной форме, спасает человечество от мифических зловещих инопланетян, которых мы все еще не обнаружили. Я решила послушать, что скажет мой любимец.

– …Огромная трагедия, что гениальный Таддеус Уоллам-Крейн умер таким молодым, даже не успев сам посетить другую плане…

Я выключила телевизор прежде, чем Аррак успел выставить себя еще большим дураком. Ноги хорошие, но мозгов маловато. Я обрушила свой гнев на пустой экран:

– Ты что, не знаешь, что этому гению было уже шестьдесят четыре, когда ему удалось создать первый действующий портал? Не умер он молодым, аж до ста лет дожил! Понадобилась еще сотня лет, прежде чем люди смогли перемещаться на другие пригодные для жизни планеты. Сам-то подумал, сколько ему должно было быть, чтобы он успел воспользоваться своим изобретением, придурок?

Меня так утомляет, когда люди не знают собственной истории. Я обожаю факты и…

Да. Пора наконец признать очевидное. Я давным-давно поняла, какой курс выберу. Вы, наверное, уже заметили, что я – прирожденный историк. Просто я противилась такому выбору, ведь это означало безропотно принять то, что приготовила мне судьба. Все знают, что Земля – планета трех «И»: исцеление, история, инвалиды. Можно, конечно, выбрать и что-то другое – у нас, как и на других планетах, нужны разные специалисты, – но медицина и история здесь превалируют.

Но все к тому и шло. Я могла послушно стать типичным инвалидом и пойти учиться на историка – или взбунтоваться, отказавшись от возможности заниматься любимым предметом. Отличный выбор. И тогда мне пришел в голову третий вариант. Может получиться, если мне хватит куража или злости. И когда я вышла из комнаты и направилась в фойе к порталу, то улыбалась как чокнутая.

Я встретилась с Кэндис в огромном питомнике тропических птиц Европейского зоопарка. Конечно, Африканский еще больше, но путешествовать между континентами дороже, чем в рамках одного, плюс сталкиваешься с проблемой часовых поясов. Вы, верно, этого не знаете, ведь Земля – единственная планета, на которой больше одного заселенного континента. Вот вам и еще один бесплатный факт.

Кэндис сидела на скамейке у прудика с рыбками гуппи. Я пристроилась рядом, и какое-то время мы просто наблюдали за самцами, хваставшими перед невзрачными серо-коричневыми самками своими крохотными сверкающими хвостами: малиновыми, ярко-синими и изумрудными. Над нашими головами летали птицы, щеголяя радужным оперением. Мне нравилось это место, его буйные заросли, влажный запах джунглей и неумолчное птичье пение. Мы с Кэндис встречались здесь из года в год, и мне никогда не надоедало любоваться природой.

– Итак, видимо, ты все еще раздумываешь, куда пойти, – начала Кэндис. – Ненавижу подгонять, но нам с тобой надо подать документы до завтрашнего дня.

– Ты и должна подгонять, – ответила я. – Ты же моя про-мама. Это твоя работа.

Спорим, вы никогда не слышали, кто такая про-мама? Про-родители – это те, кому вас поручают, если ваши настоящие мама и папа не желают больше знать своего отпрыска-инвалида. В девяноста двух процентах случаев не проходит и суток после рождения ребенка, а родители уже успевают написать официальный отказ, оставив своего постыдного выродка в палате Больницы Земли, уведомляют о расторжении брака или иных отношений и разбегаются в разные стороны, обвиняя друг друга в наличии порченых генов.

Мои отец и мать как раз подпали под те самые девяносто два процента. По достижении четырнадцати лет я имела право попытаться наладить с ними

связь, но не стала напрягаться. Эти крысы выбросили меня прочь – черта с два я стану бегать за ними и о чем-то умолять!

Я сказала «крысы». Мы, обезьяны, вежливо называем вас нормалами, а невежливо – крысами. Не думаю, что я должна расшаркиваться перед родителями, которые избавились от меня, точно от мусора.

Я уже упоминала, что мой психолог считает, будто во мне накопилось много неизрасходованной горечи и злости?

Так что вместо родителей у меня была Кэндис – на два часа в неделю. Она работала про-мамой для десятерых ребят, включая меня. Я понятия не имела, кто остальные, и не собиралась выяснять. Так же, как и узнавать о ее собственных детях. У Кэндис за плечами должны были быть как минимум одни серьезные отношения и один ребенок – таковы обязательные условия для про-родителей.

Я знала о существовании всех девятерых моих «соперников», но предпочитала о них не вспоминать и верить, что Кэндис – моя и только моя. Пусть всего на два часа в неделю, но – в отличие от прочих взрослых, появлявшихся в моей жизни и исчезавших из нее, – навсегда. Про-родителей прикрепляли на всю жизнь. Именно Кэндис даст мне совет, когда я соберусь строить с кем-то отношения, захочу завести собственного ребенка или задушить Уоллама-Крейна в колыбели. Про-папа у меня тоже имелся, и все было здорово, пока мне не исполнилось одиннадцать. С тех пор отношения у нас не ладятся.

Я сталкивалась с парой ребят, чьи настоящие отец и мать переехали на Землю, чтобы о них заботиться. Честно, как по мне – лучше про-родители. Они вмешиваются, только когда нужно сделать что-то действительно важное, а уж если у тебя неприятности… Тут любому супергерою до них далеко. Серьезно, у про-родителей огромный вес в обществе. Если они заподозрят, что с кем-то из их подопечных плохо обращаются, то тут же вмешаются, потребуют адвоката – и школы подвергнутся проверке, или их вовсе закроют. И все это по требованию про-родителей. Они даже имеют право прийти на заседание совета директоров Больницы Земли, если сочтут необходимым. Нет, правда, это круто!

Мне всегда было приятно осознавать, что Кэндис на моей стороне и обладает такой властью. Я никогда прежде не пользовалась авторитетом своей про-мамы,

но с учетом того, что я намеревалась сделать, теперь он мог мне пригодиться.

Пора было сообщить Кэндис дурные вести. Я решила начать издалека:

– Я хочу заниматься историей, значит, мне нужно поступать на подготовительный курс по допортальному периоду.

– Отличный выбор, – одобрила Кэндис. – Ты уже несколько лет посвятила этому предмету, и он явно тебе подходит, но то, как ты задержалась с решением, меня насторожило. Я боялась, что у тебя очередной приступ упрямства и ты пытаешься наказать саму себя, выбрав что-то другое. Твои документы готовы, осталось их только подать.

– Наверное, все будет немного сложнее, – ответила я. – Я хочу поступить во внеземной университет.

Кэндис на несколько секунд прикрыла глаза. Клянусь, она даже дышать перестала. Наконец про-мама снова на меня посмотрела:

– Мы же не возвращаемся обратно к фазе отрицания, правда? Ты ведь уже утверждала – как и все дети до тебя, – что медики ошиблись на твой счет. На четырнадцатилетие ты решила воспользоваться своим правом и отправиться через портал на другую планету. У тебя случился анафилактический шок, медбригада перенесла тебя обратно, и понадобилась целая неделя, чтобы ты пришла в себя. Уверена, ты этого не забыла.

– Да, – отозвалась я.

Тогда я умирала. Испугалась до чертиков. Такое не забудешь.

– Тогда ты знаешь, что никакой ошибки в твоем диагнозе нет. Если отправишься на другую планету, то погибнешь. Ты не можешь учиться во внеземном университете!

– Но мне не придется куда-то ехать. – Я улыбалась как ненормальная. – Все подготовительные курсы по доистории проводятся здесь. А потом я смогу перевестись в университет Земли для изучения основной программы.

Кэндис перепробовала все веские аргументы:

– Но в нашем университете есть точно такая же специальность. У них такое же оборудование, те же места раскопок, да и преподаватели ничем не хуже – если не лучше.

А я все ухмылялась:

– Хочу курс от внеземного университета.

– Здесь тебя точно зачислят. Чтобы поступить туда, – понадобятся соответствующие баллы.

– У меня отличные оценки, и ты это знаешь.

– А стоимость? Здесь любой курс для тебя бюджетный, но там…

Да, меня учат бесплатно. Завидуете? В жизни обезьяны есть свои плюсы. Мы можем со стопроцентной гарантией поступить куда захотим и не платить налог по завершении обучения. Нас точно возьмут на любую работу по нашему выбору. А если мы не пожелаем трудиться, то будем просто жить на пособие. Именно так и собирается поступить мой друг Кеон – валять дурака до конца дней своих. Каждая обитаемая планета щедро платит за заботу об отбросах человечества. Эти отступные помогают им облегчить угрызения совести. Вы отваливаете приличные деньги, поэтому можете сослать своих нежеланных детей на Землю и забыть про них.

– А разве где-нибудь написано, что я могу бесплатно учиться только в земном университете? – спросила я.

– Надо проверить. Никто прежде не считал, что это важно, поэтому… – Кэндис явно дрогнула, столкнувшись с моей убежденностью. – Ты ведь понимаешь, что остальные студенты могут оказаться… недружелюбными? Им может не понравиться твое присутствие на курсе. Или это и есть твой план? Хочешь найти выход гневу?

– Дело не в этом. Ну, не совсем. Я не хочу, чтобы они знали, кто я на самом деле. Пусть думают, будто я – одна из них. Что я нормальная.

– Ты и есть нормальная, Джарра. Родись ты до изобретения портала, никто бы и понятия не имел, что у тебя проблемы с иммунной системой.

Мне это повторяли изо дня в день. Ты нормальная. Не надо считать себя отбросом общества. Надо научиться ценить себя. Эти надоедливые советы мне вдалбливали столько раз, что вскоре я начала жалеть, что не родилась шестьсот лет назад. Но потом вспомнила все войны и голод, которыми славилась доистория, решила, что современный мир мне нравится больше, и стала фантазировать, как задушила бы Уоллама-Крейна.

Я покачала головой:

– Все это говорят: мой психолог, ты… Но вы и сами инвалиды, так что не считается. Мне нужно, чтобы нормальные люди сказали, что я ничем не хуже их. Я хочу поступить на этот курс, чтобы обычные ребята считали меня одной из них. И если я не выдержу целый год – неважно. Даже нескольких дней хватит. Тогда я действительно буду знать, что чего-то стою.

На самом деле не только это. В конце концов, обдурив этих снобов, заставив их поверить, будто я одна из них, я собиралась рассказать им правду. Одна из приматов, одна из тех, чье существование они напрочь игнорируют, вторглась в их милый уютненький мирок. Посмотреть бы на шок и замешательство в глазах нормалов, когда они поймут, что их обвели вокруг пальца, что они приняли обезьяну за свою! Я смогу наорать на них, выплеснуть свой гнев и обиду – и уйти, злорадно посмеиваясь. Правда, вряд ли стоит говорить Кэндис об этой части плана.

– Ну, если это поможет тебе наконец обрести себя… – задумчиво произнесла Кэндис. – Обмануть других студентов будет трудно, Джарра, но ты ведь не сможешь даже попробовать. Твои документы придут из земной школы, и в университете поймут, что это значит. Даже если ребенок родился здесь, но с его иммунитетом все в порядке, он учится во внеземном учреждении – так что и его заявление приходит оттуда.

Знаю, вы дара речи лишились, когда прикинули, сколько стоит путешествовать между мирами каждый день, просто чтобы посещать уроки. Но так и есть. Даже если оба родителя с дефектом, в девяти из десяти случаев их дети смогут жить на других планетах. Отступные позволяют им учиться в нормальных школах и таким образом ассимилироваться с «нормальным обществом».

А знаете, одно время крысы даже пытались подменять детей! Они отбирали нормального ребенка у родителей-инвалидов и взамен оставляли им дефективного из внеземного мира. Силой отнимали детей у мамы и папы. Готова поспорить, вам никогда не рассказывали подобного в ваших инопланетных школах. Мой психолог советует мне забыть об этом, ведь такие мысли порождают враждебность. Но историю нельзя забывать, нужно учиться на ее ошибках.

– Да, руководство будет знать, – согласилась я, – но это же моя личная информация!

– Ты права! – Кэндис снова стала настоящей про-мамой, готовой бороться за права своего ребенка. – Руководство имеет доступ к личной информации только по профессиональным причинам. Местонахождение твоей школы свидетельствует о твоей инвалидности; значит, его статус можно приравнять к статусу медицинской карты. Надо четко обозначить это в твоем заявлении. Пусть руководство знает, но рассказать обо всем студентам – это грубое нарушение профессиональных обязанностей. Так в какой университет мы поступаем?

– Ну-у… в Асгард.

Я выбрала наугад, и то только потому, что это родная планета того тупого киношного красавчика, в которого я втрескалась, Аррака Сан-Домекса. Ну того, с ногами.

– Асгард… – Кэндис вытащила из кармана файндер и вбила запрос. На экране высветились данные, и про-мама кивнула: – Там престижный исторический факультет. Отличный выбор.

Это ведь все по-настоящему?

– А по баллам я прохожу? Меня примут? Может, выбрать что-то попроще?

– У тебя отличные оценки, Джарра, а уж по практическому опыту с тобой никто не сравнится. Ты за год посетила больше исторических мест, чем остальные их абитуриенты – за всю жизнь. Могу поспорить, что большинство из них никогда и не ступало на Землю. Если тебя развернут, то лучше им приготовить доказательства, что все их студенты закончили школу лучше тебя, иначе я как твой опекун подам судебный иск от Больницы Земли.

– Ух ты!

Как же здорово иметь такую про-маму с супервозможностями.

– Что до оплаты… для тебя она не может быть выше, чем в университете Земли. Если кто-то попробует возражать, то я стану обращаться во все инстанции, пока не добьюсь разрешения.

В тот день мы с Кэндис провели вместе намного больше положенных двух часов, потому что отправляли мои документы. Когда сотрудники университета Асгарда выйдут на работу после праздника, их ожидает настоящий шок. Асгард станет первым внеземным учреждением, в которое подал заявление студент-обезьяна.

И им придется меня зачислить, иначе Кэндис обратится в суд и порвет их на клочки.

Глава 2

В конечном счете я не стала говорить о внеземном университете никому из друзей, даже Иссетт. Асгард может найти способ отвертеться от моего зачисления, и тогда я буду выглядеть идиоткой. Я просто сказала, что пойду на исторический. А остальное ребята додумали сами. В любом случае всеобщее внимание было сосредоточено на ошеломляющих новостях Кеона.

Только представьте себе! Кеон спокойно заявил, что подал заявку на поступление в Институт искусств! Все остальные восемь человек с нашего

Следующего шага были поражены, что славящийся своей ленью Кеон Танака вообще подал куда-то заявку, и совершенно ошарашены тем, что он выбрал такое коммерческое направление, как искусство.

– Что ж, в искусстве вертится много денег… – протянул Росс. – Но чтобы стать художником, тебе нужно уметь рисовать, лепить, освещать или еще что-нибудь в этом духе. Что бы ты ни делал, это должно быть хорошим.

– Знаете, история знавала времена, когда все было по-другому, – заметила я.

Все застонали.

– Нет! – прервала меня Иссетт. – Только не урок истории. Плохая, плохая Джарра!

– Искусство не должно быть хорошим, – возразил Кеон. – От него требуется посредственность. В этом-то и весь смысл. Люди платят огромные деньги, чтобы иметь дома настоящие предметы искусства, нечто уникальное, созданное руками человека. На этот предмет должно быть приятно смотреть, но в нем обязана присутствовать и доля недостатков, чтобы было очевидно: это не одна из сотен тысяч промышленных копий блистательного оригинального произведения искусства.

– Да, но сумеешь ли ты сделать даже что-нибудь посредственное? – спросил Кейтан.

Он выглядел слегка обиженным, так как сам собирался поступать на факультет искусств и относился к этому серьезно. Он воспринимал искусство как надежную высокооплачиваемую работу и уже успел изучить, как художники с Земли продают свои работы в других мирах через агентов, чтобы скрыть факт создания этих произведений приматами.

Меня подмывало спросить, способен ли сам Кейтан творить посредственные работы, но я повела себя как паинька и промолчала. Между мной и Кейтаном и так не все было гладко. Почти год назад между нами завязался какой-то флирт – конечно же, на большой вечеринке в честь Начала года. Но отношения продлились всего пару месяцев и протекали в основном в ссорах. У Кейтана красивые ноги, однако он такой чувствительный. Закатывал истерики всякий

раз, если я не писала ему письма каждые два часа, и не одобрял то, сколько времени я трачу на просмотр исторических видеофильмов. Я тоже выходила из себя, потому что имела право заниматься тем, что мне нравится, и… В общем, Кейтан до сих пор на меня слегка в обиде.

– Может, я и вовсе не буду ходить на занятия, – пожал плечами Кеон. – Я узнал, что смогу получать больше денег, если стану студентом, а не просто на базовом соцобеспечении, так что…

Все, кроме Кейтана, рассмеялись.

И вскоре мы забыли о заявках на поступление. Если говорить о моих друзьях, то не было никакой неопределенности, так как им гарантировали места на выбранных факультетах университета Земли. А я сходила с ума от беспокойства. Я выяснила, что в университет Асгарда не так легко попасть. На его факультеты, особенно на исторический, большой конкурс, и приемная комиссия попытается воспользоваться любой возможной причиной, чтобы отказать обезьяне.

А если они меня не зачислят… Что ж, Кэндис может подать на них в суд, но пробиваться в университет с большой оглаской мне бы не хотелось. Все узнают, кто я, а весь смысл моей затеи – одурачить их и посмотреть на обескураженные лица, когда откроется правда. Возможно, мне стоило поступить разумно и подать параллельную заявку на поступление в университет Земли, но думать об этом было уже слишком поздно. Оставалось только надеяться, что в случае необходимости Кэндис воспользуется авторитетом про-мамы и выбьет там для меня место.

Письма о зачислении должны были прийти первого декабря. Весь день я ждала известий из университета Асгарда, и каждый раз, когда приходила почта, сердце мое уходило в пятки. Большую часть дня я щелкала пультом телика, но не смогла сосредоточиться даже на серии «Защитников». К вечеру во мне закипела ярость. Они даже не позаботились мне отказать! Я отправила письмо Кэндис, в котором написала все, что думаю о внеземных. Она тут же ответила, сообщив, что время на населенном континенте Асгарда отстает от нашего на одиннадцать часов, и они еще даже не успели позавтракать.

Вы когда-нибудь чувствовали себя по-настоящему глупо? У меня не было никаких оправданий. На Земле достаточно часовых поясов. Обычные места, куда

мы ежедневно прилетаем через портал, находятся недалеко и в одном часовом поясе, но на некоторые школьные экскурсии мы отправлялись глубокой ночью, чтобы прибыть в место назначения при свете дня. Я тупица. Идиотка, идиотка, идиотка…

Письмо из университета Асгарда пришло спустя пять часов. Меня приняли! Без особого восторга и со специальной оговоркой, что они не смогут обеспечить отличные от стандартных условия для подобного мне инвалида, но мне было наплевать. Я протанцевала по комнате победный танец.

Оговорка должна была меня обеспокоить, но я не волновалась. Они никак не смогут мне помешать ходить на все занятия. Двадцать лет назад в преподавании истории произошо что-то вроде переворота, потому что большинство ученых вообще ни разу не бывали на Земле. Это было бы не так плохо, специализируйся они на современной истории, но даже ведущие исследователи древнего мира никогда не посещали ни единого объекта. Они не хотели заразиться от нас, приматов! А преподавать доисторию, ни разу не побывав на Земле, – это как преподавать литературу, не пролистав ни единой книги.

Поэтому они резко изменили программу: посвятили подготовительный курс исключительно допортальному периоду и ввели обязательное условие, что курс должен проводиться только на Земле. И в этом есть смысл. Нельзя закрывать глаза на доисторию. Это точка отсчета для всего, что случилось после изобретения портала. А значит, все историки обязаны изучать то время и в самом начале обучения посетить раскопки на Земле.

Закончив танцевать по комнате, я отправила торжествующее письмо Кэндис. Конечно, она прочитает его только завтра. Мне хватило ума не будить про-маму в полночь «сообщением чрезвычайной важности» без крайней на то необходимости. А вот Иссетт – совсем другое дело. Она моя лучшая подруга, и я хотела поделиться с ней новостями с пылу с жару.

Я подскочила к соседней двери и приложила руку к дверной табличке. По ту сторону раздался тихий мелодичный перелив, за которым последовал голос: «Ваша подруга Джарра просит разрешения войти».

Я подождала пару минут и попробовала снова. Дверь открылась, и на пороге возникла Иссетт в мятой пижаме. Подруга смотрела на меня сонным порицающим взглядом:

– Лучше тебе сказать что-нибудь хорошее. Ты что, умерла? Или в чем дело?

Не дожидаясь ответа, она развернулась, подошла к кровати и со страдальческим стоном плюхнулась на одеяло.

Я последовала за ней, и дверь за нами закрылась.

– Я получила письмо из университета. Меня приняли!

– Что? И ты разбудила меня в такой час, чтобы сказать мне это? – Иссетт подняла голову, чтобы пронзить меня яростным взглядом.

В ответ я лишь широко улыбнулась.

– Я поступила в университет Асгарда!

– Что-о?! – завизжала Иссетт.

Механический голос вклинился в наше ликование:

– Пожалуйста, имейте уважение к другим людям, пытающимся в это время спать, и убавьте уровень шума.

Иссетт швырнула подушку в сенсорный короб устройства. Нас всех бесили эти штуки в комнатах. Официально они не считались вторжением в личное пространство, потому что не записывали и не передавали информацию, а просто упрекающим тоном делали нам замечания. Если на устройства долго не обращать внимания, они начинали издавать противный шум – как будто ежесекундные удары в гонг, – пока им не подчинишься.

И они жаловались не только на шум. Им не нравились угрозы пожара, неубранные комнаты или слишком тесные отношения между мальчиком и девочкой. Ничто так не портит романтический момент, как механический голос,

бубнящий: «Ваш уровень близости друг к другу превышает допустимый для вашей возрастной группы».

Всегда ходили слухи, мол, кто-то умудрялся перепаять комнатный сенсор, чтобы обойти наблюдение, но, скорее, просто выводил его из строя, а потом приходилось платить за новое оборудование из собственных средств. Устройства влетали в копеечку, поэтому я никогда не пробовала так делать. Кейтан того не стоил.

– Жду не дождусь, когда уже покину Следующий шаг и уберусь от этой штуковины, – прорычала Иссетт и повернулась ко мне. – Ты же не серьезно насчет университета Асгарда? Не может быть!

Следующий час я убеждала ее в серьезности своих намерений и объясняла, что задумала. Устройство еще несколько раз ворчало насчет уровня шума. В конце концов Иссетт начала воспринимать меня всерьез.

– Хотела бы я посмотреть на их лица, когда они обо всем узнают, – призналась она. – Пообещай, что все заснимешь и пришлешь.

– А ты пообещай сохранить все в тайне. Не говори никому, даже нашим друзьям – вообще никому. В курсе только ты и Кэндис. Если этот секрет станет известен слишком многим, кто-нибудь точно его выдаст. А я не смогу одурачить других студентов, если они будут знать, что с ними на курсе учится кто-то из обезьян.

Иссетт скорчила рожицу:

– Не называй себя так!

– Пожалуйста, имейте уважение к другим людям, пытающимся в это время спать, и убавьте уровень шума, – повторил механический голос.

Мы обе застонали.

– Ты даже своему психологу не скажешь? – потрясенно спросила Иссетт.

– Я отказываюсь от психолога. После окончания Следующего шага он необязателен.

Я была не слишком высокого мнения о психологах и чувствовала, что сеансы с моим врачом – пустая трата времени.

– А я без своего пропаду, – пожаловалась Иссетт, но спорить не стала.

Она верила в психологов, а я нет. Мы уже много раз спорили по этому вопросу раньше, чтобы вновь его поднимать.

Иссетт вернулась к теме разговора:

– Не понимаю, как у тебя выйдет их провести, даже если удастся сохранить все в секрете. Ты же не знаешь их мира: правильной одежды, манеры речи… Да, мы смотрим телевизор, но… Во всех секторах существуют собственные глупые словечки, которых нет в тех фильмах и передачах, что мы смотрим. Нам ведь не показывают внутрисекторные фишки, только иногда в комедиях, когда о них говорят в шутку.

Я кивнула:

– Да, они все говорят на Языке, но и диалекты везде есть. В секторе Альфа самый сложный диалект, потому что в нем находятся первые планеты, заселенные после Исхода. А ты знала, что чем моложе сектор, тем больше его диалект похож на стандартный Язык? Я слышала об этом в передаче про исторические лингвистические карты, и…

Иссетт заткнула пальцами уши:

– Никаких уроков истории! Плохая, плохая Джарра!

– Перестань так делать.

Она вытащила пальцы из ушей.

– А ты перестать читать мне лекции по истории. Ты всегда на них скатываешься.

– Неправда.

– О да, правда. Ты помешанная.

– Я не помешанная.

Иссетт наградила меня своим особым взглядом: тяжелый взгляд, в котором читалось, что она права, а я – нет, и мы обе это знаем. С этим было сложно спорить, и я сдалась.

– Ладно, раз ты так говоришь… В общем, если я притворюсь, что приехала из какого-то сектора, там неизбежно обнаружатся другие студенты оттуда, а у меня не будет ни акцента, ни знания диалекта. Поэтому я собираюсь сказать, что мои родители – военные.

Иссетт подозрительно посмотрела на меня:

– Это из-за того, что ты фанатка Аррака Сан-Домекса?

Нет, совершенно точно нет. Да, я выбрала Асгард из-за Аррака Сан-Домекса, и да, он играет в «Защитниках» военного, но в этом вопросе мое решение всецело основывалось на логике.

– Нет, не поэтому. У всех секторов есть свои диалекты, а у военных – нет. Они придерживаются классического Языка. Когда они на заданиях, их дети живут в таких местах, как Дом и Следующий шаг, а потом, как правило, и сами становятся военными. Никаких шансов столкнуться с таким студентом в группе из тридцати будущих историков.

– Может сработать, – признала Иссетт. – И имя твое тоже объяснит. Больница Земли и военные до сих пор используют глупые старомодные имена. Ну, то есть, «Иссетт»! Ты хоть раз видела по телику Иссетт моложе восьмидесяти?

Я хихикнула. Иссетт успешно справилась с гневом и горечью из-за своей инвалидности, но психолог до сих пор пытается избавить ее от ненависти к собственному имени. Она бы изменила его еще много лет назад, вот только так и не определилась с новым.

Вскоре Иссетт уснула, а я ушла в свою комнату и принялась просматривать информационные видео о военных. Полностью доверять им нельзя, но зрелище все равно захватывающее.

Особенно передачи о неопланетах, открытии новых миров. Документальные фильмы о службе на солнечных батареях тоже показались мне интересными, хотя я не слишком вникала в научную часть. Политические передачи походили на школьные уроки социологии. Да, да, у нас межсекторные военные, чтобы различные секторы не содержали собственные войска и не подвергались искушению заново придумать войну. Нельзя относиться к этому пренебрежительно – в конце концов, я иду на исторический и знаю, что мы больше не хотим войн, – но от подобных лекций отдает проповедью.

Что касается учебных сборов по случаю возможного нападения пришельцев – что ж, это просто смешно. Даже военные, принимающие участие в тренировках, иногда начинали смеяться посреди занятия. Ну как можно научиться сражаться с пришельцами, если никто их в глаза не видел? А ответ – в том, что кто-то изобретает безумные сценарии, и люди дерутся с созданными компьютером шарообразными инопланетянами-попрыгунчиками, способными прилипать к потолкам, или восьминогими штуковинами, которые выплевывают в противника липкие ленты, взрывающиеся при контакте.

Несомненно, это все очень серьезно. Пока нам не встретились разумные обитатели других планет, но их существование математически доказано, и когда-нибудь человечество с ними столкнется. Некоторые из этих инопланетян окажутся настроены враждебно. Пусть мне это и кажется маловероятным, но таков научный факт. Мы должны быть готовы, и военные делают все, что в их силах.

Я всю ночь смотрела передачи и делала пометки, что мне нужно освоить. У меня есть месяц на создание образа ребенка военных. А если хочу добиться в этом успеха, то нужно превратиться в военную Джарру и усвоить все, что знала бы она. Чем больше я узнавала, тем больше понимала, сколько всего еще нужно выучить.

Часть о Военной школе оказалась для меня серьезным потрясением. Так как дети военных обычно идут по стопам родителей, в их школах преподают много предметов, направленных на подготовку учеников к армейской карьере. Для

рекрутов из секторов при поступлении в армию проводится начальная военная подготовка, а дети военных ее пропускают, потому что все это уже проходили.

Я чуть не сдалась, узнав, что дети военных занимаются рукопашным боем. Остался всего месяц до Начала года, а занятия в университете начинаются на следующий после праздника день. И как прикажете научиться рукопашному бою за столь ничтожный срок? Может, стоит выбрать другую легенду? Но по крайней мере есть информационные передачи, по которым я смогу учиться, а если даже и не успею узнать о военных все, что положено, то мои однокашники будут знать еще меньше, даже не сомневаюсь.

В конце концов я решила придерживаться изначального плана. Начала придумывать карьерные истории для своих родителей-военных, подробности о базах, где я якобы жила, и отправила Кэндис письмо с просьбой организовать хоть что-нибудь вроде тренировок по рукопашному бою.

Кэндис ответила около девяти утра. На аватаре она улыбалась, держа стакан фруджита.

– Поздравляю, Джарра. Я попробую узнать о тренировках, но, возможно, ты слишком серьезно подходишь к изучению военных? Ты склонна чересчур увлекаться. Почему бы тебе не позавтракать и не поспать?

И я решила последовать ее совету.

Глава 3

Вечеринка в честь Начала года получилась немного… печальной. Мы вдевятером держались вместе с яслей до Следующего шага, и вот пришла пора расстаться. Я отправлялась на свою личную войну с университетом Асгарда, а все остальные поступили в университет Земли и скоро должны были разъехаться по различным факультетам и кампусам.

Мэт и Росс пошли на разные специальности, но будут жить в одном городке в Центральной Европе. Иссетт, Кейтан и Кеон вместе отправятся в

южноевропейский кампус. Остальным четверым придется двигаться дальше по жизни в одиночку. Я всегда знала, что у меня других вариантов не предвидится, ведь учащимся подготовительного курса доистории целый год полагалось работать на крупных раскопках.

Иссетт зачислили на медицинский, Кейтана и Кеона – на факультет искусств, но на разные специальности. Кейтану предстояло изучать живопись, а Кеону – искусство света. Наверное, это и к лучшему. И, похоже, наш профессиональный лентяй ничем не уступал своему сокурснику. До поступления каждого из них попросили прислать образец своего творчества, и Кеону даже присудили какую-то награду за его работу.

Я видела видео. Скульптура из пересекающихся, пульсирующих лазерных лучей всех цветов и оттенков, которые только можно встретить в тропическом питомнике Европейского зоопарка. В основном образ казался совершенно абстрактным, но время от времени краски сливались меж собой, и перед зрителем возникала птица с расправленными крыльями. Кеон назвал работу «Взлетающий феникс». Такое словами не опишешь, это надо видеть – но поверьте, работа просто обалденная. Мы все жутко удивились, обнаружив, что у Кеона действительно есть талант. Надо сказать, удивление большинства из нас было приятным, но Кейтан буквально кипел от возмущения и только и искал повод для скандала.

Итак, мы вдевятером разъезжались кто куда, и вечеринка слегка смахивала на поминки. Вот и окончен Следующий шаг. Да, мы еще встретимся когда-нибудь, но ничего уже не будет таким, как прежде. Вам, живущим с биологическими родителями, не понять, но мы были настоящей семьей. Может, не всегда нравились друг другу (Кейтан обычно с кем-нибудь не разговаривал), но были друг для друга всем.

Младшие классы тоже пришли на вечеринку, чтобы проводить нас так же, как мы год назад провожали старших. Мы убрали все перегородки в столовой, превратив ее в одну большую комнату. Соблюли все традиции, спели «За дружбу старую до дна»[1 - Old Lang Zine – Auld Lang Syne (рус. «Старая дружба» в пер. Маршака) – шотландская песня на стихи Роберта Бернса, написанная в 1788 году. Известна во многих странах и чаще всего поется при встрече Нового года, сразу после полуночи.] перед самым боем часов. Я, как обычно, попыталась рассказать друзьям, сколько же лет этой песне – а они дружно облили меня газировкой.

А потом мы включили огромный настенный экран, чтобы посмотреть обратный отсчет до полуночи, и принялись хором выкрикивать цифры: «Три! Два! Один! С Началом две тысячи семьсот восемьдесят девятого года!»

Все разразились радостными воплями – ведь мы стали на год старше. Наша теперь уже бывшая директриса вышла из угла, откуда приглядывала за порядком, и шагнула вперед:

– Примите мои поздравления, теперь вы совершеннолетние. Ребята, давайте все вместе пожелаем выпускникам удачи в будущем.

Младшие ученики снова закричали. Я смутилась, обнаружив, что слегка расчувствовалась. Иссетт в открытую рыдала. Нам исполнилось восемнадцать, мы стали взрослыми и могли двигаться дальше. Когда-то люди отсчитывали время каждый со своего дня рождения, а не с Начала года. Наверное, это очень осложняло жизнь и вызывало чувство одиночества.

В конце концов младшие ребята разошлись спать, директриса пожелала всем спокойной ночи, и в столовой остались только мы вдевятером. Иссетт задремала прямо на полу. Мы разбудили ее, потому что Росс и Мэт хотели оформить свой первый помолвочный контракт – они давным-давно ждали этого момента. Мы все смотрели, как парочка связалась с Регистратурой, ввела свои данные и получила подтверждение. Мы зааплодировали и от души их поздравили.

Росс впоследствии собирался работать либо в Доме, либо в Следующем шаге, поэтому поступил на факультет попечения и обществознания. Мэт выбрала курс наугад, лишь бы оказаться в том же кампусе. Ей было неважно, что изучать, ведь она хотела стать про-мамой, а для этого квалификация не нужна.

– Сначала разрешается заключить помолвку только на три месяца, – пояснила Мэт, – но это значит, что мы сможем быстро заполучить наш второй контракт и право на совместное жилье в кампусе.

Росс кивнул:

– Еще один трехмесячный, потом полугодовой – а для того, чтобы пожениться, нам нужно минимум три контракта и год совместной жизни. Пообещайте все, что

приедете на нашу свадьбу на следующее Начало года.

Мы пообещали.

– А потом… – ухмыльнулся Росс любимой.

Она покраснела:

– Потом мы планируем завести детей. Я начну работать про-мамой в двадцать пять лет. В идеале хочется, чтобы моим собственным детям к тому времени исполнилось уже хотя бы два года.

Они уже всю жизнь наперед распланировали! Слушая друзей, я не знала, завидовать или ужасаться. Немного погодя парочка попрощалась и ушла. Оставшиеся немного попритихли после их разговоров. Думаю, мы все размышляли об одном и том же. Если двое помолвлены, это еще не значит, что они непременно… С другой стороны, Мэт и Росс уже давно вместе, а раз теперь они совершеннолетние, то, наверное, могли бы… Я строго напомнила себе, что это не мое дело.

Кейтан явно тоже раздумывал над возможностями, предоставляемыми взрослой жизнью. С отвратительно наигранной беззаботностью он подошел ко мне, сел рядом и тихо произнес:

– Мы можем снова начать встречаться, Джарра.

– Ближайший год я проведу на всевозможных раскопках, – заметила я. – Там строгий пропускной режим.

– Ну, тогда ты ко мне приезжай, раз мне к тебе нельзя.

– Не самая лучшая идея. Ты будешь доволен, только если мы сможем проводить большую часть времени вместе, а это нереально из-за моей работы и часовых поясов.

Вежливо отшить Кейтана не вышло.

– До отъезда у нас еще есть немного времени. Можно попытаться все уладить. Пойдем ко мне в комнату, поболтаем. Нам теперь восемнадцать, так что я могу сходить и купить вина и…

Да ну ее, эту вежливость.

– Я знаю, что мы теперь совершеннолетние и сенсоры в комнатах больше не среагируют, но я не собираюсь напиваться и проводить следующие тридцать шесть часов в твоей кровати.

Я встала и попыталась уйти.

– Ой, да ладно, ты же тоже хочешь попробовать… – Кейтан ринулся за мной, схватил и неумело попытался изобразить сногсшибательный поцелуй.

Похоже, насчет агрессии мой психолог не ошибся, потому что я по-настоящему наслаждалась тем, что произошло дальше. Я схватила Кейтана за руки, развернулась к нему спиной и швырнула его через себя. Мне нравилось выполнять это упражнение на уроках самообороны каждое утро весь последний месяц – но проделать такое в реальности было действительно круто!

Я выпрямилась и посмотрела на Кейтана. Хорошо, что в столовых пол похож на маты и мой несостоявшийся возлюбленный не пострадал, зато сидел с совершенно обалдевшим видом. Как и все остальные. Иссетт смотрела на меня, вытаращив глаза, но явно веселясь.

– Я уже сказала, Кейтан, мой ответ «нет». Всем спокойной ночи.

На этой торжественной ноте я вышла и отправилась к себе.

Оказавшись в комнате за надежно запертой дверью, я упала на кровать и расхохоталась. Ну и лицо было у Кейтана!

Пару минут спустя я успокоилась. Должна признаться: отвергнув великодушное предложение Кейтана, я, мучимая любопытством, все-таки решилась посмотреть пару фильмов для взрослых. Так как в комнате не было лиц младше восемнадцати, я получила доступ ко всем закрытым каналам. Сектор Бета

считался самым сексуально раскрепощенным, поэтому я глянула пару их записей. Ого! Таких ног я еще не видела!

После этого я улеглась в кровать и проспала сном младенца до самого обеда. Проснувшись, быстро сходила перекусить в столовую, а затем приступила к удручающему процессу сборов. Я прожила в этой комнате шесть лет и сейчас чувствовала, будто теряю какую-то важную часть себя.

Я потратила несколько кредитов на комплект чемоданов на аэроподушках. Сомневалась, все ли войдет. Удивительно, сколько же вещей может накопиться у вас в комнате! Спустя час сборов я уже точно знала: все не поместится.

Раздался музыкальный сигнал, и механический голос сообщил: «Ваша подруга Иссетт просит разрешения войти».

Я подошла и отперла задвижку. Да, знаю, о чем вы подумали. У нас на Земле есть двери, реагирующие на голосовые команды, мы не настолько отстали от жизни, просто их нет в Следующем шаге – отменили после того, как год назад кто-то взломал систему и начал лазить в комнаты девочек. Одна смогла поймать мерзавца, когда тот снимал ее на видео, моющуюся в душе. Когда проверили его файндер, то нашли записи с еще двумя девочками. Разразился жуткий скандал, ничего подобного здесь раньше не случалось. В кабинет к директору примчались шестеро кипящих от гнева про-родителей, а еще сорок официально выразили обеспокоенность системой безопасности. После этого виновного на оставшиеся три месяца обучения перевели в исправительное учреждение, а всем нам пришлось перейти на задвижки вместо голосовых команд.

Иссетт стояла на пороге, держа в руках целую груду старых игрушек.

– Мне некуда это все запихнуть! – в отчаянии произнесла подруга.

– У меня та же проблема, а ведь мне в течение года придется несколько раз переезжать с одной раскопки на другую. И каждый раз нужно все распаковывать, а потом снова запаковывать. – Я попыталась проявить практичность. – Наверное, можно что-нибудь просто выбросить.

– Я не смогу их выбросить, – запричитала Иссетт. – Ни за что не выброшу Крикунью Зену и всех своих пушистиков.

Она нежно любила свои ясельные игрушки, особенно странную худую пурпурную штуковину, которую назвала Крикуньей Зеной. Похоже, Иссетт так до конца и не повзрослела.

Я тоже не горела желанием спускать родной хлам в мусоропровод, поэтому мы стащили все в камеру хранения. Было на удивление трудно закрыть дверь за печально лежащими сваленными в кучу всевозможными «реликвиями», которые мы скопили за время обучения в Яслях, Доме и Следующем шаге, и вернуться в разоренную безликую комнату.

Я не очень хорошо спала, зато на следующий день смогла допоздна поваляться в кровати. Занятия начинались в десять утра, но на этот раз я помнила про разницу во времени. Первая часть курса проходила в Северной Америке, так что у меня имелось пять часов в запасе.

Последние сборы заняли всего несколько минут. Какое-то время я провозилась, помогая Иссетт, а потом мы спустились в фойе вместе с багажом. Мне стоило лишь нажать на ключ-брелок – и вещи собрались в единую компактную группу за моей спиной, слегка подпрыгивая в воздухе, точно послушные, но чересчур восторженные щенки. На чемоданах Иссетт не было воздушных подушек, поэтому она погрузила свой багаж на аэротележку, взятую в прокате.

В фойе мы встретили еще пять таких тележек, комплект чемоданов на подушках и их владельцев. Так мы и стояли все вместе в неловком молчании: сказать, кроме «до свиданья», нечего, а попрощались мы еще накануне. Уезжать оказалось мучительно трудно. Великий день, о котором мы столько лет мечтали. Больше никаких директоров с их приказами, никаких правил, никаких надоедливых сенсоров. Можно идти, куда хочешь, делать, что хочешь. Мы были совершеннолетними, свободными… и напуганными.

Наверное, мы бы так весь день простояли, не приди директриса. Быстро пересчитав нас по головам и убедившись, что мы готовы, она избавила нас от мучений, отослав прочь одним взмахом руки.

Мы послушно выстроились в ровную очередь к порталу и достали файндеры, чтобы свериться с кодами пунктов назначения. Один за другим мы связывались с системой, шагали в портал и исчезали. Я пропустила остальных вперед, потому что всем моим друзьям были нужны внутриевропейские перемещения, а мне –

межконтинентальное.

Я перенеслась в ближайший европейский транзитный пункт, послонялась рядом с информационными табло с данными о стоимости внутриконтинентальных поездок и переместилась в Америку. УАМПП, или Управление автоматизированными межконтинентальными пассажироперевозками, отправило меня в случайно выбранный американский пункт, и я очутилась в «Транзит-Америка-2».

Вот здесь я и приняла поистине крышесносное решение. Отсюда я могла отправиться прямиком в пункт назначения через любой портал, но меня осенила гениальная мысль пройти через межпланетный, так как именно этим путем прибывают настоящие студенты-нормалы. Я подумала, что это поможет мне при создании образа Джарры-ребенка-военных.

Зря я так решила. Мне казалось, что в межпланетном транзите в это время будет тихо и пусто. Ближе к восьми утра здесь, конечно, дурдом: вся площадка забита земными учениками-нормалами, спешащими в свои инопланетные школы. Власти щедро платят за ежедневные перемещения ребят, но совсем в благотворительность не ударяются. Дорого стоит установить портал, а не держать его открытым – вот они и переправляют детей партиями примерно по сто человек, чтобы свести расходы на каждого к минимуму.

Основной поток должен был уже схлынуть, но, вопреки ожиданиям, выйдя из портала, я угодила в настоящий хаос. Наступил первый день нового года, и во всех университетах начинались занятия. Межпланетный транзитный пункт Америки был забит родителями-инвалидами, отправляющими своих нормальных детей на учебу. Здесь же слонялись студенты-медики и будущие специалисты по истории других планет. Но дело даже не в количестве людей, а в количестве багажа, который его владельцы тащили во всех направлениях.

Избегая информационных табло, на которых гигантскими красными буквами были указаны просто-таки космические цены на межпланетные путешествия, я пробралась сквозь толпу и пошла к другому местному порталу. Наверное, любой, заметивший это, решил бы, что я чокнутая – прибыть сюда только для того, чтобы перейти от одного местного портала к другому. Ну, не такое уж ошибочное предположение.

Испытав облегчение, что смогла добраться, не заблудившись и не потеряв багаж, я ввела код купола нью-йоркской археологической базы. Первые пару месяцев мне предстояло учиться именно там. Система портала обратилась ко мне:

– Внимание, вы отправляетесь в закрытую зону. Если ваш генетический код не внесен в список и не подтвердится, то система вас не пропустит, но оплата за поездку все равно будет списана с вашего личного счета.

Я замешкалась; в последнюю минуту трусливые мысли закрутились в голове, но за спиной раздался язвительный голос:

– Может, ты и хочешь проторчать тут весь день, но я – нет!

Я оглянулась на нетерпеливую пожилую женщину, живо напомнившую мне нашу жуткую учительницу по естествознанию, повернулась обратно к порталу и глубоко вздохнула. Я Джарра-ребенок-военных, обученная рукопашному бою. Преподавателю и двадцати девяти студентам-историкам меня не запугать.

И с этой мыслью я шагнула в портал навстречу новой жизни.

Глава 4

Жилой купол, куда я прибыла, оказался типичным. Не было видно попыток ни скрыть кривизну внешней стены, ни хотя бы перекрасить флексиплас из естественного депрессивно-серого цвета в какой-нибудь еще. Ничего другого я и не ожидала, так как уже бывала на раскопах вместе со школьным историческим клубом.

Утомленный мужчина лет тридцати наблюдал за дорожкой из багажа, который, покачиваясь, исчезал в двери, по-видимому, следуя за своим хозяином. Встречающий повернулся лицом ко мне и моей собственной куче сумок:

– Добро пожаловать в университет Асгарда на подготовительный курс по доистории на базе раскопа Нью-Йорка. Я преподаватель Плейдон. А вы?.. – В

поисках имени он прокрутил вниз список на своем глядильнике.

– Джарра Риэт, – подсказала я.

Сначала он выглядел пораженным, а затем так, словно внезапно почувствовал очень неприятный запах.

– Ты в шестой комнате, – сказал и злобно ткнул пальцем в экран файндера, отмечая мое имя в списке. – Приветствие студентов состоится в столовой через час.

Еще кто-то прибыл через портал. Преподаватель Плейдон повернулся к новенькому, а я во главе маленькой процессии из чемоданов направилась на поиски шестой комнаты. Из одноминутной встречи я вынесла несколько полезных вещей. Преподаватель, очевидно, знал, кто я, и ему это не нравилось, но он был профессионалом и не собирался ничего рассказывать другим студентам. Это хорошая новость. Но еще лучше то, что он не смог с первого взгляда определить во мне обезьяну. Умом я понимала, что все шутки крыс по поводу внешнего вида и запаха обезьян – неправда, но восемнадцать лет постоянного мелькания этих шуточек на телеканалах подточили мою уверенность.

Я отыскала шестую комнату, которая почему-то находилась между четвертой и двенадцатой. Неплохо для жилья на раскопе: кровать, кладовая, даже крошечный телик на стене. Я распаковала сумки, и оказалось, что уже пора на встречу. Столкновение с одним врагом я пережила, осталось еще двадцать девять. Утешало то, что Плейдон знал, кто я, а остальные будут не в курсе.

Столовую я нашла еще раньше своей комнаты и сейчас направилась прямиком туда. Здесь на серых флексипласовых стульях за серыми флексипласовыми столами сидели полтора десятка студентов и разглядывали серые флексипласовые стены. Народ все прибывал.

Я устроилась около задней стены и попыталась войти в образ. Целый месяц я просматривала программы о военных и училась рукопашному бою. Я придумала семью и сочинила историю жизни для Джарры-ребенка-военных, или ДРВ, как я ее прозвала. К этому времени ДРВ я знала лучше, чем саму себя.

Плейдон сидел у входа в комнату и выглядел подавленным. Через несколько минут он, кажется, решил, что все в сборе, и начал с тех самых слов, которые произнес по моем прибытии:

– Добро пожаловать в университет Асгарда на подготовительный курс по доистории на базе раскопа Нью-Йорка. Я преподаватель Плейдон. – Затем отважно ступил на новую вербальную территорию: – Следующие два месяца мы проведем в Нью-Йорке, после чего переместимся на наше следующее место раскопок. Этот зал используется и как столовая, и как лекционная аудитория. Сами увидите, что остальные помещения в куполе для этого слишком малы. Все ли нашли свои комнаты, и есть ли у кого какие-нибудь проблемы или вопросы?

Руку подняла блондинка в блестящем обтягивающем платье, открывавшем участки обнаженной кожи в очень неожиданных местах рядом с запретными зонами. Она словно сошла с экрана прямо в разгар дикой вечеринки.

– Я не могу найти в своей комнате ни скрытую дверь в ванную, ни скрытое окно, – сказала она. – У меня должен быть специальный ключ-код?

Со всех сторон послышались смешки. И я была в числе виновных.

Плейдону пришлось огорчить блондинку:

– Вероятно, это потому, что скрытой двери нет. Ванная в конце каждого коридора. Одна на десятерых, так что не задерживайтесь в душе. И никаких окон в куполе тоже нет. Еще вопросы?

Все остальные промолчали.

– Хорошо. У меня есть одно очень важное предупреждение. Не выходите за пределы купола, пока не получите соответствующих инструкций. Я не шучу. А теперь не буду мешать вам знакомиться.

Он остался сидеть в углу и демонстративно начал работать с какой-то информацией на своем файндере. Очевидно, дальше мы должны были справляться сами. Повисла напряженная тишина, затем со своего места поднялась одна из студенток. Она выглядела как телеведущая: на лифе платья

и в длинных черных волосах мерцали радужные огоньки, умело наложенный макияж подчеркивал тонкие черты классически красивого смуглого лица, а одежда, должно быть, стоила целое состояние.

– Нам нужно представиться, – сказала незнакомка, внимательно оглядывая нас с самой что ни на есть уверенной улыбкой. – Я Далмора Ростха. – Манера говорить, медленно растягивая слова, поведала мне о ее родном секторе раньше, чем об этом сказала сама Далмора. – Я из Альфа-сектора. Мой отец – Вентрак Ростха. Он снял несколько документальных фильмов, и я надеюсь когда-нибудь создавать собственные исторические телепрограммы.

Повисла ошеломленная тишина. По мне, так ее выбор слов был умильно скромным. «Снял несколько документальных фильмов»… Вентрак Ростха – знаменитость! Почти все следили за его циклом «История человечества». Каждый нетерпеливо ожидаемый эпизод рассказывал о ключевом событии современной истории, начиная со дня основания первой в мире колонии в секторе Альфа и по сей день.

Вентрак Ростха – выдающийся человек. Его сюжеты я любила так сильно, что готова была простить ему принадлежность к крысам. И все же это не помешало мне возненавидеть его дочь. Скорее всего, она лишь богатая и испорченная пустышка, которая считает, что остальное человечество должно пасть ниц к ее изящным альфийским ножкам. И именно так все и будет. Ей гарантирована блестящая карьера в телеиндустрии. Не имеет значения, насколько второсортными и неграмотными окажутся ее программы, все будут восхвалять их до небес, потому что Далмора – дочь несравненного Вентрака Ростхи.

Да, признаю, я ей завидовала.

Дочь Вентрака Ростхи с улыбкой оглядела класс и спросила:

– Итак, кто следующий? Есть еще кто-нибудь из Альфы?

Мертвая тишина.

– Тогда кто-нибудь из Бета-сектора? – поинтересовалась наш новый звездный лидер.

Та самая девушка в вечернем платье поднялась и театрально поклонилась. Ну да, конечно, она бетанка. В таком-то наряде.

– Я Лолия. Вижу, у нас шестнадцать юношей и четырнадцать девушек. И уверена, вы не сочтете меня жадиной, когда я скажу, что планирую составить трио с двумя из наших великолепных парней.

Раздались пораженные смешки. «Великолепные парни» слегка занервничали под хищным оценивающим взглядом Лолии. Кроме одного, который развалился на стуле, всем своим видом демонстрируя, что его это не волнует. Он заметил мой интерес и посмотрел в ответ так… плотоядно.

Вспомнив, что я теперь Джарра-ребенок-военных, я смерила незнакомца долгим холодным взглядом и отвернулась. Надеюсь, общее впечатление осталось таким, будто я оценила его и не впечатлилась. Мысленно я сделала ставку на то, что этот парень тоже бетанец. И оказалась права. Он представился следующим.

Затем была целая толпа ребят с певучим говором из сектора Гамма. Естественно, что гаммитов набралось много, ведь Асгард находится в их секторе. Скрепя сердце, я вынуждена была признать, что они оказались тихой и безобидной компанией. Внезапно мне пришла в голову мысль, что, выбирая случайный университет, я могла остановиться на курсе от Бета-сектора. Я вздрогнула и мысленно поблагодарила Аррака Сан-Домекса за то, что он из Асгарда.

Мисс Знаменитость продолжила опрос, и мы познакомились со студентами из других секторов. Было несколько человек из Дельты, единственная девушка из Эпсилона и никого из Каппы. Ничего удивительного. Эпсилон до сих пор занимался обустройством своих колониальных миров, а Каппа – еще более новый сектор, так что там находились по большей части неопланеты или миры, вступившие в период Колониальной десятилетки.

Далмора улыбнулась мне:

– Прошу прощения, но, если ты не из Каппы, тогда мы, кажется, каким-то образом тебя пропустили. – Хорошая актриса. Ее фраза прозвучала так, будто ее это действительно заботило.

Я поднялась. И заметила, что Плейдон отложил свой файндер, чтобы понаблюдать за моим представлением, но я не собиралась позволить ему меня запугать.

– Меня зовут Джарра. Я из семьи военных.

– Как интересно! – Далмора-знаменитость внимательно посмотрела на меня, словно была абсолютно восхищена и очарована. – Военная пошла на историю! Позже ты собираешься пойти в Войска?

– Не уверена. – Я улыбнулась. – Я люблю историю, однако она плохо сочетается с военной карьерой.

В наш разговор вклинился бетанец:

– В жизни не встречал военных! Что делает девушка из военных, когда ее целует мужчина?

Я послала ему холодный взгляд:

– Зависит от обстоятельств. Если он сначала вежливо попросил, и я согласилась, то я целую его в ответ. Если он был невежлив или не принял отказа, то я отшвыриваю его в другой конец комнаты, тонко намекая, что ему следует поучиться манерам.

Несколько человек застыло в изумлении.

– И часто ты так делаешь? – спросил парень из Беты.

– Последний раз – вчера, – честно ответила я.

Все засмеялись.

Я снова села. Заметив, что преподаватель смотрит на меня, вскинув бровь, я повернула к нему голову и широко улыбнулась. Он знал, что я нагородила сплошную ложь, но ничего не мог с этим поделать. Он не имел права разглашать мои конфиденциальные данные.

Затем Далмора-знаменитость как прекрасная хозяйка, коей она, собственно, и являлась, начала разбивать нас на маленькие социальные группы. В свой круг она включила меня, двух парней из Дельты и тихую девочку из Эпсилона. У меня было такое чувство, что она выбрала нас как тех, кому наиболее вероятно потребуется помощь в общении.

Далмора одарила нас улыбкой и решила меня первой удостоить своим вниманием.

– Джарра, это полный отпад – быть на одном курсе с кем-то подобным тебе. Военные! Я выбрала курс гаммитского университета, потому что хотела познакомиться с людьми из других секторов, но это даже лучше, чем я надеялась.

С одной стороны, мне было интересно, что бы сказала великая Далмора, знай она, что впустую тратит свое очарование на обезьяну. Но с другой – что более важно – я была занята Джаррой-ребенком-военных. Я вежливо и скромно пожала плечами.

– Надеюсь, ты не возражаешь, если я спрошу о чем-то личном, – сказала Далмора с уверенностью человека, которому сходят с рук любые интересующие его вопросы. – Оба твоих родителя на действительной службе? Ты провела больше времени в школах-интернатах, чем дома? Должно быть, это тяжело.

Я-настоящая и я-фальшивая – мы обе могли одинаково ответить на этот вопрос:

– Жилье находилось отдельно от школ, но – да. Мы проводили много времени, живя с другими детьми. Они стали нам почти семьей. Я бы не сказала, что это так уж тяжело…

– Как интересно! – воскликнула Далмора.

Невероятно, как она может произносить это так, будто ей действительно не все равно? Альфийка повернулась, и следующим в центре ее внимания оказался мальчик из Дельты. Она помнила его имя и даже несколько предложений из того, что он сказал. Как ей это удается? Я смогла запомнить лишь пару из целой лавины имен, обрушившейся на меня за последний час. Все остальное было как в

тумане.

– Фиан, ты говорил, что хочешь быть специалистом по доистории. Ты в этом уверен? По мне, так вся история полностью очаровывает. Знаю, что все изучить не смогу, но сделать выбор так трудно. – Далмора подарила Фиану свою профессиональную улыбку, как репортер в интервью для новостного канала.

Очевидно, у Фиана был сильный характер, раз он не покраснел и не стушевался под пристальным взглядом Далморы.

– Доистория – это то, с чего все началось. Люди могут полагать, что современная история более актуальна, но это только несколько сотен лет из миллионов. Очень тонкий слой на поверхности времени. Когда копнешь поглубже в причины чего-то, произошедшего в современности, приходится возвращаться к допортальному периоду. Вот где основы всего. Настоящая проблема – в чем специализироваться в доистории. Можно выбрать все что угодно. Любой период, начиная с динозавров.

– Я хочу, чтобы однажды ты повторил это с экрана, Фиан, – сказала Далмора. – Надеюсь, у меня будет возможность это осуществить. Люди небрежно отбрасывают так много событий из доистории как уже не актуальные. Заставить человека остановиться и задуматься о них – вот истинное достижение документального фильма.

Мне хотелось кричать. Далмора была так невыносимо мила, даже если ее поведение – не более чем игра. Да и Фиан казался действительно умным. Я не хотела, чтобы эти люди были милыми или наделенными интеллектом. Я ненавидела их за то, что они нормальные, в то время как я считалась неполноценной, за то, что они могут путешествовать по другим мирам, пока я заперта в клетке. Я желала, чтобы они оказались ужасными, отвратительными людьми, и я могла думать, что права в своей ненависти к крысам.

Удача была на моей стороне. В нашей группе обнаружилась знаменитость, и бетанцы не собирались долго обходить ее вниманием. Парень подошел первым и дал мне достаточный повод на дух его не переносить. Сначала он смотрел на Далмору, вызывающе исследуя ее тело и задерживая взгляд на наиболее интимных его частях, словно она могла их ему предложить. Я ненавидела Далмору, но обнаружила, что негодую от такого нахального оценивания. Даже

она, со своими лощеными манерами, казалась весьма встревоженной.

Она явно смутилась, и в группе повисла неловкая тишина. Бетанец не обратил на это внимания. Он закончил наслаждаться рассматриванием Далморы и перешел к следующей строчке сегодняшнего меню. Ко мне.

– Джарра…

Я практически чувствовала, как ползет по мне его взгляд.

Мне это не понравилось. ДРВ тоже. Я пыталась не реагировать, так как у меня возникла теория, что бетанец получит большее удовольствие от рассматривания моего тела, если я продемонстрирую свое негодование.

– Я не помню твоего имени, – сказала, стараясь, чтобы это прозвучало скучающе.

– Лолмак, – отозвался бетанец.

Он больше не смотрел на Далмору, и та смогла взять себя в руки:

– У нас есть Лолия и Лолмак из Беты. Очень похожие имена.

– Это приставка клановой ячейки, – объяснил Лолмак. – Лолия – моя сводная кузина от первого тройного брака моего отца.

– Ах да, бетанские традиции, – Далмора все еще казалась слегка выбитой из колеи.

Тем временем к нам подкралась Лолия. Она обменялась с Лолмаком взглядом, а затем подвергла мальчиков из Дельты такому же пристальному осмотру, какого только что удостоились мы с Далморой.

– Милые задницы, – выдала Лолия.

В пределах слышимости прозвучал коллективный вздох всех не-бетанцев, включая меня. Ого! Лолия сказала «задницы»! Я знаю, что были времена в

доистории, когда это слово было допустимо в вежливой беседе, и знаю, что оно используется на некоторых откровенных бетанских каналах, но никогда не слышала, чтобы это кто-нибудь произнес публично. Все говорят «ноги», и можно догадаться, какая часть имеется в виду, по тому, каким тоном это сказано.

Откуда ни возьмись появился преподаватель. Я отнесла было его к той категории учителей, которые выполняют лишь необходимый минимум работы, но теперь поняла, что была неправа. Он сидел в стороне, позволяя Далморе командовать, чтобы спокойно нас изучить. Плейдон заговорил твердым властным голосом:

– Должен напомнить студентам из Бета-сектора, что это курс университета Асгарда, в котором действует моральный кодекс сектора Гамма. Вы согласились соблюдать этот кодекс, когда вас зачислили на курс.

Лолия смотрела на него широко раскрытыми глазами с выражением преувеличенного удивления:

– Я лишь сказала «задница».

Преподаватель чуть улыбнулся ей:

– Только что я сделал вам официальное напоминание. Сейчас я выношу вам первое предупреждение. Согласно гаммитскому моральному кодексу, это слово неприемлемо.

– Я понятия не имела, – отозвалась Лолия. – На самом деле это слово не такое уж плохое. Вот если бы я сказала…

– Вы можете привести мне целый список нецензурных слов, если вам так хочется, – прервал ее Плейдон, – но за каждое из них получите предупреждение. Вы рискуете вылететь с курса меньше чем за пять минут, без возврата оплаты. – Он сделал паузу и огляделся. – Воспользуюсь случаем и напомню, что здесь присутствуют студенты из пяти секторов, с двадцати различных планет. Всем известно, что Бета – самый либеральный сектор, в то время как Дельта и Эпсилон – самые консервативные, но не слишком полагайтесь на секторальные стереотипы. Планетарные и индивидуальные стандарты изменяются в пределах секторов, а гаммитский моральный кодекс требует, чтобы вы относились к

другим студентам с уважением и соблюдением их личных границ.

Плейдон отошел и снова уселся в своем углу. Бетанцы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Ну и ханжа! – прошептала Лолия.

Несмотря на все усилия Далморы, после этого беседа потекла немного вяло. Все вздохнули с облегчением, когда Плейдон вновь поднялся.

– Думаю, настало время обеда. – Он нашел меня взглядом. – Джарра, уверен, ты не станешь возражать, если время от времени я буду обращаться к тебе за помощью с просьбой использовать твои военные навыки. Ты могла бы показать курсу, как пользоваться буфетами?

– Есть, сэр.

Я чуть не отсалютовала. Нет, серьезно, я не специально. Я изучила так много информационных программ, и Джарра-ребенок-военных была настолько реальна в моей голове, что «есть, сэр» и салют вырвались чисто автоматически. Ученики военных училищ – кадеты, и они отдают честь своим офицерам-преподавателям.

Остальные казались убежденными, даже впечатленными, после того как я двинулась к буфетам и начала объяснять. Я-военная подошла к этому ответственно, но я-реальная металась в панике, спрятавшись где-то на задворках сознания. Я бывала в точно таких же куполах в экспедициях школьного исторического клуба и знакома с буфетами, но в словах Плейдона явно слышалось предостережение. Я при всех заявила, что из военных. Лгуньей он назвать меня не мог, но собирался заставить меня доказывать свои навыки. Я умела пользоваться раздатчиками пищи, я умела много всего, но для провала достаточно одной-единственной ошибки. Стоит раз показать, что я не из военных, все начнут спрашивать, кто же я на самом деле. А я хотела, чтобы они не знали. Пока нет. Я хотела их полного принятия, хотела доказать, что ничуть не хуже их самих.

Раздобыв обед, я оставила более привередливых студентов жаловаться на восстанавливаемую пищу, села за стол и начала есть.

– Прошу прощения, – произнес кто-то.

Я подняла глаза и узнала мальчика из Дельты. Фиан. Хотя большинство имен затерялись в моей памяти, его я вспомнила, потому что он казался сведущим в истории и…

Ладно-ладно, признаю, это неправда. Я смогла запомнить имя Фиана, потому что у него были длинные светлые волосы и красивые ноги, совсем как у Аррака Сан-Домекса.

– Я очень вежливо спрашиваю, можно ли сесть рядом с тобой, – произнес Фиан. – Если скажешь «нет», я тихо уйду. Нет абсолютно никакой необходимости применять насилие.

Пришлось усмехнуться.

– Конечно.

Он поставил свой поднос на стол и сел.

– Я надеялся, что ты защитишь меня от Лолии.

И не только он. За тридцать секунд оставшиеся шесть мест были заняты другими парнями. Некоторое время стояла тишина, пока все ели или просто тыкали вилкой в еду в надежде, что от этого она станет лучше на вкус.

– Что здесь забыли эти бетанцы? – проворчал один из гаммитов. – С каких пор у Бета-сектора возник интерес к истории?

Я покончила с неаппетитным основным блюдом и принялась за пирог. Я сказала остальным, что он переживает процесс восстановления лучше большинства продуктов, и все мудро последовали моему примеру.

– Если повезет, скоро они нас покинут, – сказала я. – Сомневаюсь, что они имеют хоть малейшее представление о том, на что будет походить жизнь на допортальных раскопках. Жду не дождусь, чтобы увидеть, как они завопят, когда мы выйдем наружу.

Пара студентов за столом явно взволновались.

– Все так плохо? – спросил один из гаммитских мальчиков. – Прошлым летом я был на раскопках. В районе одного из первых поселений на Асгарде. Конечно, это невероятно кропотливая работа – сметать почву крошечными кисточками, – но мы и загорали много, и на пикники ходили, и…

Он увидел выражение моего лица и осекся. Я не верила своим ушам. Правда не верила! Ладно, от бетанцев я еще ожидала полного невежества, но вот это… полный отпад! Они записались на доисторию, не имея ни малейшего представления, во что ввязываются. Я ничего не могла с собой поделать и, не сдержавшись, рассмеялась.

После обеда Плейдон заставил нас отодвинуть столы к стенам и расставить стулья рядами для первой лекции. Мы расселись по своим местам и выжидающе уставились на преподавателя.

– Знаю, вы приехали из разных часовых поясов, – начал он, – поэтому сегодня я дам вам только краткое введение в дисциплину. Вы здесь, чтобы изучать доисторию. Это обширный предмет, которым нередко пренебрегают. Школы, как правило, сосредотачиваются на современности, а порой ограничиваясь лишь ее частью, историей собственного сектора и планеты. Доистория охватывает весь путь человечества… до какого события?

Он выжидающе на нас посмотрел. Я подумала, что лучше молчать и не привлекать к себе внимание.

Несколько голосов пробормотали об Уолламе-Крейне, изобретшем портал.

– Неверно, – сказал Плейдон.

Кто-то брякнул о первом межзвездном портале.

– Снова неверно.

– Открытие первых гражданских поселений на планетах Альфа-сектора в начале века Исхода, – произнес голос позади меня. Кажется, Фиан.

– Верно, – подтвердил Плейдон. – До этого времени человечество фактически существовало в одном мире. Это момент, когда заканчивается доистория и берет свое начало история современная. Обычно здесь я вкратце рассказываю о методах освоения неопланет, но, так как этим занимаются военные, думаю, стоит услышать о них от Джарры.

Ладно, о тактике держаться тихо и не привлекать к себе внимание можно забыть. Плейдон собирался давать мне любую возможность выставить себя дурой. Он занял место в первом ряду и наблюдал, как я поднялась и встала лицом к группе.

За последний месяц я просмотрела множество видео о неопланетах. Я собрала эти воспоминания в кучу, глубоко вздохнула и позволила завладеть собой моему военному альтер-эго.

– Такие методы исследования неопланет, как Подход, Оценка, Выбор, Контроль и Передача, начали применяться как раз в конце допортального периода в секторе Альфа. Конечно, за сотни лет они были значительно улучшены и к ним добавилась Колониальная десятилетка. Каждый раз, когда что-то шло не так, военные пытались вынести из этого какой-то опыт и удостовериться, что такого больше не повторится. Одной Фетиды было более чем достаточно.

Все закивали, даже бетанцы. Развлекательные каналы часто крутили леденящие кровь ужастики про год хаоса на Фетиде, где знаменитые актеры в кошмарных подробностях изображали борьбу за выживание и умирали героической смертью.

– Первый подход к новой звездной системе осуществляется беспилотным зондом через открываемый на пять секунд десант-портал, – продолжила я. – Зонд зависает, пассивно оценивая планеты в поисках разумной жизни. В конечном счете он рассылает целый ряд математических и иных приветствий. Если признаки разума так и не обнаружены, зонд движется в сторону самой пригодной для жизни планеты, останавливается и какое-то время снова пассивно наблюдает, а затем начинает активное сенсорное сканирование.

Это было похоже на доклад моему школьному классу. Я начинала получать удовольствие. Мне не слишком-то часто позволяли выступать с докладами. Я всегда могла рассказать много чего интересного, но школьные друзья слушали

неохотно.

Справившись с первоначальной нервозностью, я попыталась пошутить:

– Если обнаруживается любой признак разумной внеземной жизни, зонд посылает сигналы тревоги, активируется программа «Инопланетный контакт», и тысячи специалистов получают чрезвычайные сообщения, приказывающие им мгновенно явиться на службу. Вы, вероятно, знаете, что такого еще не случалось.

Народ поощрительно засмеялся.

– Однако у нас все-таки было два случая, лишь чуть-чуть не дотянувших, и те миры помещены в карантин, позволяющий обнаруженным неоразумным расам продолжить свое естественное развитие. Если вопрос о разумных инопланетянах не возникает и датчик сканирования показывает, что планета пригодна для человеческой жизни, то мы переходим ко второй стадии освоения. Существует множество требований по климату и другим параметрам, и нам нужен большой континент, который им удовлетворяет. Вокруг много планет, и мы можем позволить себе быть разборчивыми. Проверки проводятся на целый ряд вредных условий, звездную радиацию, силу солнечных бурь. Назовите любой параметр – мы его проверяем. Если планета по-прежнему выглядит пригодной для заселения, тогда наступает этап, о котором многие думают как о собственно освоении. На третьей стадии на выбранный нами континент десантируются военные, и тут может возникнуть настоящая опасность. Почти каждая планета, способная к поддержанию жизни, уже развила собственную экосистему. Военные должны найти и исследовать каждый вид животного, растения, насекомого, рыбы, бактерии или другой формы жизни. Они должны обнаружить и оценить все возможные угрозы, иначе в конечном итоге мы получим вторую Фетиду. Если любую из опасных форм жизни нельзя проконтролировать или уничтожить, планета покидается.

На лице Плейдона появилось странное выражение. Я не могла понять, что оно означает, поэтому попыталась проигнорировать.

– На четвертой стадии освоения неопланеты континент очищается от всего вредоносного. Живые существа либо отстреливаются, либо перевозятся на другие континенты на радость экологам. Наконец мы думаем, что приняли все

меры безопасности. От статуса неопланеты новый мир переходит к периоду Колониальной десятилетки и передается в распоряжение первых колонистов. В течение десяти лет они не могут покидать его, если только не обнаружат нечто опасное, что пропустили на предыдущих этапах. Такое случалось всего шесть раз, но, когда случалось – дела были плохи. По прошествии десяти лет колонистам выплачивается целое состояние плюс бонусы за каждого рожденного ребенка, и планета открывается для проживания как часть новейшего сектора. В настоящее время таким сектором является Каппа.

Я оглядела свою аудиторию. Они вроде еще не заснули, так что я добавила пару фраз из тех, что почерпнула с общественного военно-информационного канала:

– Нужно помнить, что каждая новая планета, открытая человечеству, стоит не только колоссальных денег – за нее заплачено и кровью людей. Еще не было случая, чтобы по крайней мере один военный не отдал жизнь, стараясь сделать новый мир безопасным для вас.

Я пошла на свое место и вздрогнула от взрыва аплодисментов.

Плейдон снова встал.

– Что ж, спасибо за столь красочное повествование, Джарра. Уверен, вы все сидите и спрашиваете себя, какое отношение это имеет к доистории. Ответ таков: лишь одна населенная планета не оценивалась военными, и это Земля. Она бы не прошла по критериям отбора неопланет. На ее долю выпадает слишком много солнечных бурь, у нее слишком большая луна, она находится слишком близко к поясу астероидов. На ней пять населенных континентов, но ни один из них по климату не удовлетворяет условиям второй стадии. Даже если не брать все это в расчет, здесь имеются растения и животные, которые никогда бы не позволили Земле пройти третью стадию. Эта планета опасна. Она была опасна в доистории и еще опаснее сейчас.

– Но обезьяны живут здесь без каких-либо проблем, – возразил темноволосый гаммит.

Я почему-то была рада, что это сказал не Фиан.

– Поселения безопасны, Крат. Защищены от диких животных щитами, но это лишь крохотная часть планеты, – объяснил Плейдон.

Я заметила, что он неодобрительно отнесся к тому, что Лолия использовала слово «задница», но никак не прокомментировал «обезьян».

– У терминала или магазина никто на вас не нападет и не съест, но большинство раскопок находится за пределами щитов, на давным-давно заброшенных участках. – Преподаватель мрачно улыбнулся: – Здесь вы должны прочувствовать доисторию так, как не сможете, изучая лишь видео. Так что вы отправитесь в старые разрушенные города. Они чрезвычайно опасны. Там есть животные, растения и насекомые, которые могут убить вас и убьют, если дать им возможность. Руины, которые вы станете исследовать, также представляют угрозу жизни. Человечество неплохо приручило эту планету перед веком Исхода, но опасные участки все еще оставались. Теперь же Земля далеко не ручная. Если вы прежде не понимали этого, поймите теперь. – Он оглядел класс. – Еще один, последний, раз обращаю ваше внимание на условия, на которые вы согласились, поступив на этот курс. Надеюсь, вы потрудились внимательно их прочесть. Университет Асгарда приложит все усилия, чтобы обеспечить вашу безопасность, но не несет абсолютно никакой ответственности за смерть или за телесные повреждения, которые вы можете получить. Это законное предупреждение, и оно зафиксировано в уставе. Если вы не согласны с условиями, то портал – там.

Несколько человек с надеждой посмотрели на бетанцев, но, к сожалению, те никуда не собирались. Скорее всего, решили, что Плейдон преувеличивает. Быть может, они все же передумают, когда поймут, что это не так.

– На сегодня все, – подвел итог Плейдон. – Рекомендую вам отдохнуть и перестроиться на этот часовой пояс. Завтра мы начинаем в девять.

Глава 5

Позже я попыталась дозвониться до Иссетт, но в ответ получила лишь сообщение, что подруга «вне зоны доступа». Затем попробовала накатать письмо, но в конце концов сдалась. Что я могла рассказать про моих

однокурсников-крыс? Бетанцы – отвратительны, Крат – идиот, а эта альфийка – идеальна до тошноты, но остальные вроде нормальные. Не в смысле «нормалы», а просто обычные люди.

Честно говоря, мне было очень не по себе. К уже привычной ненависти к нормалам добавилось чувство вины из-за обмана – да еще и сам образ Джарры-ребенка-военных становился пугающе реальным. Я отправилась спать в плохом настроении, и мне приснился сон, будто я и правда ДРВ. Живу на военной базе, мои родители-военные приехали в отпуск и…

Проснулась я рано. После этого бредового сна в голове царил полный кавардак. Меня ждало длинное письмо от Иссетт: с таким знакомым мне сияющим счастьем видом подруга взволнованно щебетала, мол, когда я ей звонила, она как раз была на вечере встречи студентов – совершенно потрясающем, по ее словам. Я хотела перезвонить и поговорить нормально, но Иссетт уже ушла на занятия. Разница в пять часов между континентами казалась ерундой, но с общением у нас возникла настоящая проблема.

Вместо этого я убила полчаса, записывая и перезаписывая минутный ролик с ответом. Было трудно, ведь о чем-то я могла сказать подруге только с глазу на глаз, а о чем-то и вовсе не могла поведать. Стоит Иссетт узнать про сон, как она забросает меня письмами со всякими ерундовыми советами вроде «сходи к психологу».

В конечном счете, просто сообщив, что добралась хорошо и у нас тоже была встреча студентов, я отправилась в столовую на завтрак. Я сидела там и тихо-мирно жевала, жалея, что в буфете фруджит не получишь, пока в мои мысли не ворвался голос Плейдона:

– Джарра, я бы хотел воспользоваться сегодня твоими военными навыками. Не могла бы ты продемонстрировать студентам, как надевать бронекостюм? Выбери подходящий на складе. – Преподаватель посмотрел на меня сверху вниз с мерзкой злорадной улыбочкой.

– Да, сэр, – улыбнулась я в ответ.

Вчера он попытался поймать меня на вопросе об освоении планет, сегодня – с бронекостюмами. Нет, Плейдон явно не понимал, сколько раз я бывала на

раскопках! Наверное, подумал, что в заявлении на поступление я говорила о местах вроде Стоунхенджа или Помпей – тщательно облагороженных кусочков древней истории, расположенных в охраняемых зонах. Что ж, преподавателя ждал сюрприз. Я носила бронекостюм с одиннадцати лет в экспедициях школьного исторического клуба.

Расправившись с завтраком, я пошла на склад. Здорово, что Плейдон поручил это задание именно мне – можно спокойно выбрать лучшее из имеющегося. Крайне важно правильно подобрать размер, но раздобыть костюм в хорошем состоянии – значит сделать жизнь намного приятнее. Ну кто захочет себе самую старую и вонючую одежду? Мне повезло: в комнате оказался костюм моего размера, вдобавок почти новый.

Я заскочила к себе, поменяла белье на облипку и натянула сверху обычную одежду. У меня был исключительно строгий купальник, прикрывающий все, что нужно, но с этими бетанцами все равно лучше держаться настороже. Захватив свой бесценный, почти новый бронекостюм, я вернулась обратно в столовую. Остальные уже сидели и ждали, с любопытством наблюдая, как я прошагала в центр комнаты с защитной одеждой в руках.

Плейдон кивнул:

– Джарра любезно согласилась продемонстрировать вам, как обращаться с бронекостюмом. За пределами купола вам придется носить такие постоянно, поэтому будьте внимательны. Джарра, прошу.

Я уже раз десять проделывала подобное перед новичками в историческом клубе, поэтому мои движения были доведены до автоматизма.

– Как и наш купол и буфеты, бронекостюмы к нам пришли от военных. Это учебный вариант, более дешевый, чем тот, что используется при освоении новых планет. Практичный, без красот и излишеств. Вы получите по одному костюму из имеющихся на складе на все время пребывания здесь. С виду они все одинаковые, черные, выбирать нужно по размеру – правильно подобрать его очень важно. Профессионалы обычно приобретают себе собственные, с дополнительными возможностями и цветные. Думаю, у преподавателя Плейдона есть свой.

Плейдон кивнул:

– Да, мой – голубого цвета, поэтому, когда переоденемся, меня легко можно будет узнать.

Я подняла повыше собственный стандартно-черный костюм:

– Вам предстоит носить такие на раскопках. Бронекостюм способен сохранить вам жизнь в большинстве случаев. Первая ваша задача – надеть его. Это не так-то просто. По военным нормативам нужно успеть облачиться в костюм за две минуты на случай повреждения купола. Если кто-нибудь из вас сможет управиться меньше чем за пять – уже очень неплохо.

Я гордилась тем, что могла выполнить этот норматив. Однажды в клубе мы проводили соревнования и практиковались целый день. Только троим из нас удалось уложиться в две минуты.

– Советую надеть под костюм облипку. Если у вас ее нет – используйте обычный купальник, трико, любое удобное, плотно прилегающее белье.

– Никогда не заморачиваюсь с бельем, – перебила меня Лолия.

Я только улыбнулась:

– Если предпочитаешь потом мучиться от жуткой боли – твое дело. Материал бронекостюма при активации может защемить чувствительные части тела, так что защита не повредит. – Я снова обратилась ко всем присутствующим: – Помните, что надевать бронекостюм следует плавно, спокойно. Никаких резких движений, иначе материал активируется и затвердеет, выполнив то, для чего был разработан. Он защитит вас от ударов камней, колотых ран и укусов. Хищники о такой костюм только зубы сломают. На левом рукаве много кнопок управления – лучше их не трогать. Поначалу вам может показаться слишком жарко или слишком холодно, но подождите пару минут, пока костюм приспосабливается к температуре окружающей среды. Если не успеваете добраться до туалета – костюм и это выдержит, но лучше не проверяйте. Костюм-то выдержит, а вот вашему белью не поздоровится.

Ребята рассмеялись.

– Но одной кнопкой нужно воспользоваться – той, что отвечает за идентификацию. Сквозь бронекостюм лица не распознать: окрестности вы увидите, но вместо физиономий остальных людей разглядите лишь смазанную картинку. Чтобы понять, кто где, обозначьте свое имя.

Я повернула костюм; спереди и сзади на нем большими буквами сияло «Джарра».

– Не пытайтесь использовать ругательства или чужие имена. Это не оригинально и не смешно. Случись что-нибудь, пока будут разбираться, кто есть кто, может погибнуть человек. Также вам следует знать о правилах общения, но, наверное, преподаватель Плейдон сам разъяснит этот момент.

Я принялась раздеваться, и Лолмак засвистел. Хотя то, что оказалось под моей одеждой, не произвело на него впечатления.

– Могла бы носить что-нибудь посексуальнее.

– Возможно, – будь зритель получше, – парировала я. – Это облипка, разработанная специально для ношения под бронекостюмом. Как видите, она похожа на купальник, но из более плотного материала. Отличная вещь. После того как выберетесь из костюма, возьмите ее с собой в душ: пока вы моетесь-сушитесь, она тоже успеет очиститься и высохнуть, и ее снова можно носить. Облипку выпускают разных фасонов и расцветок, но я рекомендую стандартную мужскую или женскую модель черного цвета.

Я взглянула на Далмору, сидевшую в первом ряду.

– Волосы до плеч можно просто спрятать под капюшон, но длинные лучше заплетать в косу.

Альфийка кивнула.

Мой взгляд скользнул с ее волос на причудливое золотое украшение, висевшее на шее у нашей знаменитости.

– Очень красивое ожерелье.

Далмора посмотрела на него:

– Оно передается из поколения в поколение уже свыше пятисот лет. Одна из женщин нашей семьи привезла его с собой в сектор Альфа, когда покинула Джайпур в век Исхода. По традиции ожерелье вручают старшей дочери в день ее восемнадцатилетия.

Я думала, что ожерелье было лишь копией, сделанной из промышленного золота, но Далмора Ростха носила на своей альфийской шее подлинный исторический артефакт. Символично. Ладно, мелочно будет с моей стороны переложить на Плейдона обязанность предупредить ее о риске ношения украшений. Три года назад я сглупила и забыла снять кольцо, прежде чем надеть костюм, в результате чего лишилась мизинца на левой руке. Мне, конечно, его потом отрастили в больнице, но с тех пор при одной только мысли о кольцах меня бросает в дрожь.

– Опасно носить украшения под бронекостюмом, – заметила я. – Когда он активируется, то может вдавить металл в тело. Поговори с преподавателем, возможно, есть какой-нибудь выход. А теперь внимательно смотрите, как я надеваю костюм. Всегда начинаем с ног.

Я продемонстрировала, как плавно и осторожно раскатывать материал вверх по ногам и рукам. Надеть капюшон и застегнуться спереди – пара пустяков. Просто так, шутки ради, я засекла, сколько же мне понадобится времени, чтобы экипироваться. Минута пятьдесят пять! Я заметила, что Плейдон снова как-то странно на меня посмотрел.

– И последнее, – добавила я. – Когда вы уже полностью застегнетесь, автоматически запустится система диагностики. Если сработает сигнал тревоги, значит, костюм неисправен. В этом случае предупредите преподавателя – не нужно просто бросать неисправную одежду обратно на склад.

Плейдон встал:

– Спасибо, Джарра. Теперь вы все можете выбрать по костюму и начать облачаться – сегодня мы впервые выйдем наружу.

Лолия подняла руку:

– Мне потребуется ваша помощь при выборе белья. – И бетанка вызывающе на него посмотрела.

– Уверен, ты и сама справишься, – ответил Плейдон.

– Но меня же должны учить как следует, так? – укоризненно произнесла она.

– Если хочешь, я могу помочь тебе подобрать что-нибудь подходящее, – вызвалась я.

– Может, Джарра и мне с бельем поможет? – подал голос Лолмак.

Мы с Плейдоном переглянулись и решили хотя бы на время объявить перемирие и выступить единым фронтом.

– Джарра поможет Лолии, – постановил преподаватель, – а я – тебе, Лолмак.

– Да уж, с вами не повеселишься, – вздохнула бетанка.

Советы потребовались не только этим двоим, но и почти всем студентам. Решить, что наденешь под защитный костюм, несложно, а вот нацепить его – совсем другое дело. Трудно натянуть материал так, чтобы он не сработал, так что вряд ли можно было винить эту кучку растерявшихся крыс. В конце концов мы с Плейдоном стали ходить туда-сюда по коридорам и отвечать на доносившиеся из-за дверей крики о помощи.

Когда учишь новичков, как обращаться с бронекостюмами, всегда испытываешь странную смесь раздражения и веселья. Если неправильно раскатать нижнюю часть, то натянуть броню на плечи уже невозможно. Я изо всех сил старалась не смеяться, но это отчаяние на лицах, когда новички понимают, что нужно снимать костюм и начинать все сначала…

– Но у меня же почти получилось, – стонал Фиан, глядя на меня с трагическим выражением лица. – Я двадцать минут убил, чтобы хоть так вышло. Если я смогу

засунуть левую руку в…

– Нет, придется начать сначала. – Я отчаянно старалась не захихикать.

– У меня никогда не получится… – вздохнул страдалец и принялся стаскивать костюм.

– Несколько раз потренируешься – и получится.

Поняв, что слишком увлеклась, разглядывая полураздетого двойника Аррака Сан-Домекса, я поспешила на помощь Далморе.

Чтобы запихнуть всех в броню, понадобилось всего-то два часа. И все равно Лолия слегка прихрамывала. Может, так и не натянула нормально костюм на ноги, а может, умудрилась активировать материал и что-то себе защемила. Я предпочла не спрашивать.

– Ну что, теперь все готовы? – Голос Плейдона отдавался в ушах легким эхом, как всегда бывает, когда слышишь кого-то одновременно и через коммуникатор, и напрямую. – Я разговариваю с вами по групповому каналу. Проведем перекличку.

Он педантично прошелся по списку студентов.

– Хорошо, передатчики у всех в норме. Всегда помните: в бронекостюме очень важно выбрать верный канал связи. Если говорите с тем, кто стоит рядом, вообще не задействуйте коммуникатор. Хотите донести информацию до всей группы – используйте внутреннюю связь. Хотите обратиться ко мне лично – есть отдельная линия для руководителя группы. Если есть что сообщить всем командам раскопа Нью-Йорка – используйте общий канал. Ошибка может поставить вас в весьма неловкое положение. Вряд ли вам захочется, чтобы сотни людей в десятках археологических групп услышали, как вы приглашаете стоящую рядом девушку на свидание.

Раздались нервные смешки.

– Пока используйте внутригрупповую связь, если вы в беде или вне зоны слышимости. Не играйтесь с остальными каналами, чтобы не раздражать другие группы в округе. А теперь – на выход.

Я выдохнула с облегчением, когда нас наконец выстроили в колонну и открыли двери купола. Да уж, тут куда хуже, чем в любой из групп исторического клуба, с которыми я имела дело. Конечно, стоит учитывать, что в клубе всегда больше опытных людей, а нынешние студенты – поголовно новички, но ситуация все равно просто с ума меня сводила.

Двери распахнулись, и перед нами предстал зловещий внешний мир. В Нью-Йорке царила зима. Вокруг на склонах то там, то здесь торчали одинокие деревья; листья с них осыпались, а каждую веточку покрывал слой льда. Я задумчиво разглядывала зимний пейзаж.

Я была здесь только летом, и теперь все выглядело куда страшнее. Когда я вслед за Плейдоном вышла наружу, меня сковал холод. Бронекостюм ощущался на коже куском льда. Пока терморежим не отрегулируется, следующие пару минут придется помучиться.

Когда остальные студенты к нам присоединились, раздались стоны и жалобы.

– Я замерзаю! Как включить в этих штуках обогрев? – спросил Крат.

– Настоятельно рекомендую этого не делать, – посоветовал Плейдон, но несколько ребят все равно принялись колошматить по кнопкам терморегуляции.

Две минуты спустя все, кто решил потерпеть, чувствовали себя прекрасно и уютно. А вот те, кто не послушался, вопили, что теперь им слишком жарко, и выкручивали температуру обратно. Двумя минутами позже они уже снова мерзли. Мысленно я отметила для себя идиотов в составе группы. Разумеется, бетанцы попали в список.

Парень из Дельты, Фиан, которого я сочла по меньшей мере небезнадежным, держался поближе ко мне. Сквозь костюмы лица почти не видны, поэтому ручаться не стану, но, кажется, он за мной наблюдал и копировал каждое движение. Пожалуй, Фиан – действительно сообразительный парень. По крайней мере, я знала, что держусь получше тех, кто уже во второй раз вопил, что сейчас

сварится заживо.

В итоге с температурой разобрались, и Плейдон собрал нас вокруг себя:

– Мы просто поднимемся на вершину холма, с которого открывается вид на раскопки. Держитесь вместе и будьте осторожны. Если потеряетесь, то зовите на помощь по групповому каналу и оставайтесь на месте, пока вас не найдут. Что бы ни случилось, не снимайте бронекостюм. Медведи сейчас должны уже впасть в спячку, но волки в это время года очень голодны.

– Кто такие волки? – спросила Лолия.

– Дикие предки собак, – ответил Плейдон. – Они охотятся стаями. Зимой в руинах ищут укрытие стада лосей и оленей, и волки приходят сюда за ними. У меня есть с собой оружие, но лучше бы мне не пришлось его использовать. Волки обычно выбирают одинокие цели. Так что, если будем держаться вместе, они нас, скорее всего, не потревожат.

– А эти волки опасны? – спросил кто-то из девочек.

Я поискала взглядом того, кто задал вопрос; судя по горящей на костюме надписи – девушка по имени Амалия из сектора Эпсилон. Жаль, что на их обычной одежде таких табличек нет – было бы гораздо удобнее определять, кто есть кто. Похоже, у Плейдона такой проблемы не возникало, да и мисс Знаменитость из Альфы, как оказалось, мгновенно усвоила имена и истории людей, но остальные все еще силились друг друга запомнить.

– Снимете костюм – и они разорвут вас на куски и съедят, – ответил Плейдон. – Пока вы в броне, волки вряд ли смогут причинить вам вред, но сомневаюсь, что вам захочется испытывать судьбу. Идемте.

Мы медленно начали карабкаться вверх по склону. Я остановилась подождать отстающих. Фигура в костюме с именем «Фиан» направилась в мою сторону.

– Прости, – начал он, – но как тебе удается так быстро передвигаться? Я в своем костюме то и дело спотыкаюсь.

Я отметила, что у парня хватило ума включить правильный канал и нас не слышал весь курс. Прежде чем ответить, я проверила собственный коммуникатор.

– Суть в том, чтобы двигаться как можно плавнее, – объяснила я. – Резкие движения активируют материал, и он твердеет.

– Спасибо.

– А нам обязательно носить эти неудобные штуковины? – громко простонала Лолия, плетущаяся в хвосте группы.

– Может, и правда дать ей снять защиту? Волки порадуются… – пробормотала я себе под нос.

Фиан услышал и рассмеялся.

Очевидно, у Плейдона имелась склонность к драматическим эффектам, поскольку перед самой вершиной он снова собрал нас в одну группу, чтобы мы увидели Нью-Йорк все вместе. Я-то уже была здесь, но не зимой. Летом среди обширных, насколько хватает глаз, темных руин пробиваются то тут, то там пятна зелени, будто пытаясь освежить вид. А сейчас белизна инея лишь добавляла мрачности припорошенным снегом кучам обломков, на фоне которых все еще тянулись ввысь почерневшие скелеты небоскребов.

– Боже! – воскликнул Лолмак.

– Следи за языком! – машинально отозвались остальные хором.

С тех пор как физики доказали, что Вселенная создана неизвестным творцом (или творцами), все сошлись во мнении: лучше не упоминать имя божества всуе.

– Простите, – извинился бетанец. – Я в легком шоке.

– Я и понятия не имел… – пробормотал Фиан. – Нет, я, конечно, видел старые фильмы, но реальные масштабы просто…

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, – некогда место обитания двенадцати миллионов человек, – сказал Плейдон, дав нам еще немного времени, чтобы прийти в себя от увиденного. – Кто мне скажет, когда в доистории достроили последний небоскреб?

Я рассмеялась.

– Вижу, Джарра знает, что это вопрос с подвохом, – заметил преподаватель. – Последний небоскреб достроили спустя двадцать пять лет после начала века Исхода. К тому времени население Земли уже резко сократилось, поэтому в этом здании никто никогда не жил и не работал.

– И почему они допустили, чтобы все так развалилось? – спросила Лолия.

– После Исхода на планете не хватало людей, чтобы поддерживать города в пристойном виде, – объяснил Плейдон. – На одно жилое здание приходилась сотня пустых. Оставшимся землянам было гораздо проще собраться вместе и жить в небольших городках и деревнях, чем пытаться сохранить несколько домов посреди разрушенного города.

Фиан осторожно опустился на колени и провел рукой по земле. Жухлая трава измазалась чем-то черным.

– Тут бушевали пожары?

– Да, когда люди ушли, тут была уйма пожаров, – ответил Плейдон. – Во многих домах оставались легковоспламеняющиеся, химические и даже взрывоопасные материалы. Один чудовищный по масштабам пожар не утихал почти два месяца. Всегда помните: руины сами по себе опасны. И дело не только в диких животных, но еще и в коварно торчащих кусках стекла и металла, разлагающихся химикатах, а также зданиях, готовых рухнуть от малейшего дуновения ветра. Никогда не доверяйте почве под ногами – она обманчива. Люди строили не только вверх, но и вниз, так что можно провалиться в коллекторы, подвалы, подземные транспортные сети, даже подземные водные пути. Если понадобится пробираться по раскопкам, ищите размеченные трассы или следуйте по оленьим тропам. Стада сами находят безопасную дорогу.

– Но зачем? – спросил Лолмак. – Зачем вообще туда лезть?

– Мы ищем утраченную историю, культуру, технологии, – ответил Плейдон. – Во времена Исхода обитатели новых планет сосредоточились на собственных безотлагательных проблемах. Они считали, что весь багаж знаний человечества находится в безопасности на родной планете. Думали, что земляне обеспечат их всем необходимым в будущем: технологиями, запчастями, лекарствами. Но произошел такой резкий отток людей с планеты, что инфраструктура рухнула. Переселенцы осознали свою ошибку ночью две тысячи четыреста девятого года, когда не выдержала здешняя информационная сеть. Несколько оставшихся специалистов все-таки сумели как-то ее подлатать и запустить снова… но разразилась вторая катастрофа. Какой-то идиот попытался создать резервную копию данных – худшего он и придумать не мог.

Преподаватель помолчал.

– Альфийцы послали своих лучших экспертов, и те спасли все, что удалось, из поврежденных файлов, но мы потеряли половину данных об истории человечества. Действовать начали только потом: нашли все самые значительные произведения искусства и музейные коллекции и вывезли на свои планеты все, что смогли.

– Это огромная честь для сектора Альфа – выступать хранителем человеческой культуры, – подала голос Далмора.

Плейдон проигнорировал ее реплику. Остальные секторы всегда немного завидовали тому, что все старинные артефакты достались альфийцам.

– Каждый университет хранит данные в собственном независимом архиве, и мы постоянно сверяем информацию на предмет обнаружения ошибок. Суть в том, чтобы никогда больше не потерять наше наследие, но в уже имеющихся данных есть огромные пробелы. И часть утраченных сведений по-прежнему может находиться где-то здесь, – преподаватель кивнул в сторону руин.

– С трудом верится, что здесь что-то могло уцелеть, – заметил Фиан.

– Мы находим самые невероятные вещи по чистой случайности, – возразил Плейдон. – В прошлом году, например, обнаружили оставшийся незатопленным подвал, набитый всякой всячиной. Даже пара настоящих книг попалась. Но чаще

встречаются стазисные ячейки. Когда люди покидали Землю, они не могли запросто путешествовать между мирами, уходили и не собирались возвращаться. Так и появился обычай оставлять после себя «ячейки безвременья». Земляне прятали их в своих опустевших домах, сберегая личные вещи, сувениры и записи как память о тех, кто когда-то здесь жил. Такие ячейки все еще тут, мы по-прежнему их находим. И никогда не знаешь наперед, какой клад обнаружится внутри следующей, которая нам попадется. В две тысячи триста десятом году наука и техника достигли своего пика развития. Сейчас мы опередили предков в области медицины и перемещения посредством порталов, но в остальном, увы, по-прежнему существенно отстаем.

– Земляне были настоящими волшебниками, – произнесла я. – Только подумайте, какие великолепные города они построили! Нью-Йорк, Нью-Токио, Лондон, Москва, Сердце Парижа, Берлин, Эдем… теперь все это лежит в руинах, а мы по крупицам собираем то, что осталось от знаний предков.

– Именно. – В голосе Плейдона прозвучало удивление; я заметила, что преподаватель посмотрел в мою сторону. – Большая часть студентов выстрадает обязательный предварительный курс на раскопках, уедет и больше никогда не вернется на Землю. Но, возможно, некоторые из вас почувствуют радость от обретения утраченного прошлого – или хотя бы соблазнятся деньгами, которые за это платят, – и решат продолжить здесь свою карьеру.

Его голос явственно отражал его эмоции – и теперь настал мой черед удивляться. Плейдон относился к этим бескрайним руинам былых лет, к людям, что некогда здесь жили, и к ожидающим нас открытиям точно так же, как я. У меня никогда не получалось объяснить это Иссетт или Кэндис, и даже большинство ребят из школьного исторического клуба не разделяло моей уверенности, что прошлое все еще живо, но Плейдон меня понимал. Странно было обнаружить такую же страсть к доистории в крысе.

Мы еще долго стояли и молча размышляли каждый о своем. Наконец Плейдон снова заговорил бодрым голосом:

– Завтра работаем в секторе двадцать два, отправимся на раскопки вон по той трассе. – Он указал на ряд светящихся меток, уходивший вглубь руин.

Затем достал свой файндер, какое-то время с ним повозился, и через миг в воздухе перед нами повисла миниатюрная модель раскопок Нью-Йорка. Плейдон максимально увеличил изображение и навел резкость. Теперь мы увидели дорогу, пролегающую между руинами зданий.

– Вот здесь мы завтра и пойдем. Я получил это изображение из базы данных командного центра. Так выглядела местность во время последней аэрофотосъемки примерно десять месяцев назад. Мы можем рассмотреть ее в разных вариантах: как двумерное изображение, так и объемное, с разметкой опасных участков.

Картинка изменилась. Теперь она была испещрена квадратиками красного, желтого и зеленого цветов.

– Как всегда, – объяснил Плейдон, – зеленые сектора хорошие, в красных вас поджидает опасность, а в черные доступ запрещен. Но учтите: все эти расчеты риска – лишь приблизительные вычисления компьютерной программы. Я могу добавить информацию по тем участкам, которые уже проработаны, и они окрасятся в синий.

При этих словах несколько секторов поменяли цвет на синий. Неудивительно, что такие участки, как правило, располагались вблизи трассы.

– Обратите внимание: некоторые синие сектора мигают. – Плейдон указал на один из таких участков. – Значит, они частично разработаны, но все еще могут содержать в себе что-то интересное. Я могу запросить о них более подробную информацию. Обычно работу останавливают, если люди сталкиваются с неожиданным препятствием, но завтра мы отправимся в сектор, где группе просто не хватило времени все доделать. Они нашли одну стазисную ячейку и были уверены, что там есть еще и вторая, но не успели до нее добраться. Как правило, в таких случаях группа на следующий день возвращается, но первую ячейку нашли накануне Конца года, в последние сутки работы этой команды на Главном раскопе Нью-Йорка. Завтра мы разберем то, что они оставили. Будем надеяться, что насчет второй ячейки они не ошиблись.

«Отпад! – довольно подумала я. – Завтра мы отправимся на раскопки и, вполне возможно, найдем стазисную ячейку!»

Плейдон выключил файндер и повел нас обратно к куполу.

– Теперь вы представляете, с какими условиями вам предстоит столкнуться. После обеда потренируйтесь надевать костюмы. Я перешлю вам на файндеры все детали касательно фасонов и расценок на облипку. Если кто-то захочет ее приобрести – вечером дайте мне знать. Мы сможем оформить скидку на групповой заказ, обычно доставка занимает один день. На сегодня все, – подвел итог нашей вылазки преподаватель. – Завтра приступим к настоящей работе.

Мы направились в купол, по дороге устроив соревнование, кто быстрее выберется из бронекостюма и добежит до ванной. Я выиграла!

Глава 6

Следующим утром мы отправились на первые раскопки. Собирались снова медленно, потому что студенты все еще не приноровились к своим бронекостюмам. Наконец мы выбрались наружу, и Плейдон распахнул двери огромного складского купола, который возвышался рядом с жилым, словно старший брат. Преподаватель включил прожекторы, и они рассеяли тени и осветили просторное помещение. Здесь хранилось штук двадцать разных аэросаней – те, что стояли сзади, я даже разглядеть не могла.

– В нашем распоряжении есть несколько видов спецсаней, а также большие сани для перевозки пассажиров и оборудования. – Плейдон окинул нас взглядом. – Кто-нибудь из вас прежде управлял аэротранспортом?

Я подняла руку. В земном классе моему примеру последовали бы почти все ученики. А в этой группе – всего лишь половина. Полагаю, у крыс не так много аэросаней, как на Земле. Солнечных бурь у нас больше, и порталы блокируются чаще.

– Хорошо. – Плейдон делал пометки рядом со списком имен на своем глядильнике. – Научиться управлять санями несложно, но на первый раз постараемся, чтобы каждый делал то, что уже умеет. Ну, кто-нибудь уже водил перевозочные сани?

Я снова подняла руку. В этот раз «умельцев» оказалось намного меньше, но даже на Земле немногие способны управлять большими санями. На обычном аэротранспорте попасть в аварию можно, только если очень постараться, ведь он небольшого размера, прост в управлении и имеет противоударную защиту. А вот с перевозочными санями дело обстоит совсем иначе, учитывая их вес и инерцию. На Земле их разрешают водить только сдавшим тест, так что мало кто этим заморачивается. Да еще и возраст ограничивают: мне пришлось ждать шестнадцати, чтобы сдать экзамен. Терпеть не могу возрастные ограничения.

– Расскажите, когда и где вы управляли большими санями, – попросил Плейдон. – Крат?

– У отца. У него фирма по сбору и переработке мусора.

С разных сторон послышались смешки.

– Далмора?

– Я ездила с отцом на съемки, – ответила нам, простым смертным, дочь легендарного Вентрака Ростхи. – Иногда на площадке требовалось много оборудования, реквизита, костюмов…

– Амалия?

– На стройке, – отозвалась тихоня Амалия. – Я же из Эпсилона, уже который год их вожу.

Плейдон кивнул. Всем известно, что на планетах этого сектора строительство сейчас идет бурными темпами. Типичная шутка: желающим прошвырнуться по магазинам в Эпсилоне приходится сначала их построить.

– Джарра?

Мне показалось, или голос Плейдона прозвучал довольно прохладно? Мне это не понравилось, но ответила я спокойно и по-военному:

– Тренировочные рейсы, сэр. Перевозила людей и оборудование.

Парочка парней-гаммитов тоже умела водить большие сани. Плейдон сделал еще несколько заметок в своем глядильнике.

– Сегодня мы возьмем четверо спецсаней и двое перевозочных. Лучше иметь с собой достаточно транспорта, чтобы в случае поломки не возникло проблем. Подобное случается редко, к тому же существуют аварийные эвакуационные порталы, но дойти до любого из них в бронекостюме – нелегкая задача.

Плейдон внимательно нас осмотрел и поручил двум гаммитам управлять перевозочными санями, а затем назначил водителей на каждые из четырех специальных. Мы взяли с собой сани с сенсорами, страховочные сани и два тяжелоподъемника. Значит, работать будет только одна археологическая команда. Я понимала преподавателя, потому что даже с одной группой этих невежественных крыс у него будет забот полон рот. Но все же было обидно, что Плейдон не поручил мне вести транспорт. Неужели не мог доверить обезьяне управлять своими драгоценными санями, пусть даже самыми маленькими?

Водители осторожно вывели транспорт со склада, а остальные студенты – и я в их числе – загрузились на перевозочные сани. Оборудованы они были просто, без излишеств, вроде крыши от дождя или удобных кресел: впереди – панель управления и сиденье водителя, а за ними – огромная левитационная площадка с рядами скамеек и местом для оборудования.

Плейдон ехал на ведущих больших санях, за которыми следовали вторые, а потом – еще четверо маленьких спецсаней. Мы направились к краю развалин и двинулись вдоль трассы.

По групповому каналу раздался голос преподавателя. Те, кто ехал с ним, и так его слышали, а вот чтобы передать сообщение остальным, ему пришлось воспользоваться коммуникатором.

– Сейчас мы въезжаем на Главный раскоп Нью-Йорка, – сказал Плейдон. – Я сообщил о нашем появлении в командный центр. Эти люди следят за всеми группами на месте раскопок. Для разговоров с ними я использую специальный коммуникационный канал, поэтому вы нашей беседы не услышите. С этого момента вы должны прослушивать только групповую волну, ваш личный канал – на тот случай, если я захочу поговорить с кем-то из вас наедине – и трансляцию из командного центра, чтобы не пропустить информацию, предназначенную для

всех групп.

От мысли, что мы вот-вот окажемся на Главном раскопе Нью-Йорка, я испытала радостное волнение. Летом я уже работала на Периферийном раскопе вместе со школьным историческим клубом. Впервые я попала туда в одиннадцать лет, а затем следующие два года мы посещали другие раскопки. Но я вернулась на Периферию, когда мне исполнилось тринадцать, и еще раз – в семнадцать. В этой зоне не осталось ни одной многоэтажки – все ровненько, поэтому относительно безопасно. Именно сюда приезжают на раскопки группы школьников и те, для кого археология – хобби по выходным.

Здесь вы не увидите учеников с других планет. Подобные вылазки слишком опасны, да и не желают крысы приезжать на планету обезьян. Они предпочитают остаться дома и проводить небольшие раскопки в поселениях не старше нескольких сотен лет. А вот группы из Военных школ – и даже из Военной академии – время от времени сюда приезжают. На Земле у таких студентов есть прекрасная возможность попрактиковаться в надевании бронекостюмов и управлении техникой. В то же время они еще и вносят свой полезный вклад в общее дело.

Я решила, что ничем не рискую, если расскажу группе, что была на Периферийном раскопе Нью-Йорка, потому что ребенок военных вполне мог там оказаться. А вот о некоторых подробностях моей деятельности лучше промолчать, особенно об удостоверении пилота, которое я там получила прошлым летом, потому как это уже нечто из ряда вон. Возможно, где-то за аэросанями на складе и припрятан обзорный самолет, вот только я не смогу им управлять, не разрушив легенду ДРВ.

Я слегка расстроилась из-за невозможности полетать, но воспряла духом при мысли о посещении Главного раскопа Нью-Йорка. По сравнению с этим Периферия – детская песочница. Я перелопатила горы информации и разузнала все истории о Главном раскопе – он гораздо интереснее Периферийного, и здесь спрятано намного больше стазисных ячеек. Но это место намного опаснее. Что бы вы ни делали, сюда не пускают лиц младше восемнадцати лет. Поверьте, я в свое время все перепробовала. Детям и любителям тут не место. Главный раскоп Нью-Йорка предназначен лишь для профессионалов. Я ждала такой возможности много лет, и вот я наконец-то здесь!

Плейдон пустился в объяснения:

– Мы движемся по трассе. Это так называемые свободные тропы через раскопки. Они были расчищены первыми археологическими командами сто пятьдесят лет назад. Каменные завалы на трассах расчистили, а иногда приходилось плавить некоторые валуны, соединяя их. Земля под ними устойчива и проверена на всевозможные опасности. Вы заметите светящиеся указатели по обе стороны трассы. Помните, в случае непредвиденной ситуации зеленые стрелки всегда выведут вас на короткую дорогу из раскопа. Они особенно полезны в условиях плохой видимости, например, если вдруг пойдет снег или опустится туман.

Все студенты рассматривали руины. Мы проезжали мимо потемневших рядов стен: некоторые из них заканчивались на уровне головы, а другие все еще возвышались на несколько этажей. Кое-где выпирали разбитые остатки полов. Вокруг лежали громадные куски цемента, словно позабытые игрушечные кубики, раскиданные обиженным ребенком-великаном, а у стены осталась огромная балка, порыжевшая от ржавчины, что копилась долгие годы.

– Здесь мы и остановимся, – объявил Плейдон по общему каналу, стоило нам доехать до местности поровнее. – Припаркуйте сани с этой стороны трассы на случай, если другим группам понадобится здесь проехать.

Я внимательно осмотрела нашу рабочую площадку. Группа, работавшая до нас, очевидно разрушила все опасные конструкции. Какая жалость! Взрывать стены так клево! Кажется, я даже догадалась, где они нашли стазисную ячейку. Вон там расчищенное пространство с углублением в центре – именно так хороший разметчик выкопал бы ячейку.

– Итак, – начал объяснять Плейдон, – в археологической команде существует пять ролей. Руководитель группы заправляет всем, так что, по понятным причинам, эту должность займу я. Остальные – это разметчик, страховщик, поисковик и грузчик. У разметчика самая опасная задача, потому что он единственный заходит в раскоп. Такие люди руководят работой на месте, решают, как расчистить завалы, ставят метки на камнях и направляют операторов подъемного оборудования.

Мне было известно все о разметчиках, потому что я всегда занимала эту должность в школьном историческом клубе. Правда, не с самого начала, потому что мой учитель истории наотрез отказался поручить такую ответственную работу одиннадцатилетке и отправил меня управлять тяжелоподъемником. Это,

конечно, лучше, чем ничего, но мне пришлось ждать желанной должности два долгих года. Было так обидно смотреть, как разметкой занимается кто-то другой, а уж тем более следовать его инструкциям, особенно когда они ошибочны. Тем не менее я стала разметчиком в тринадцать и с тех пор всегда занимала эту должность.

Я и сейчас жаждала стать разметчиком, так как много лет трудилась, чтобы приобрести нужные навыки. Пусть я обезьяна, но все равно замечательный разметчик, и, если мне дадут шанс, Плейдон в этом убедится. Я переживала: а будет ли у меня вообще такая возможность? До меня дошла суровая истина: преподаватель не поручил мне вести сани и точно так же может не назначить разметчиком. Плейдон способен даже приказать мне оставаться на перевозочных санях и наблюдать за остальными не только в этот раз, но и во время других вылазок. И что мне тогда делать? Я же сойду с ума, день за днем наблюдая за студентами и ничего не делая.

Я не смогла бы возмутиться из-за дискриминации в среде нормалов и бросить курс. Я собиралась так поступить только после того, как докажу, что ничем не хуже их. Тогда моя затея завершится успешно. А если сделаю нечто подобное сейчас… То мне придется признать поражение.

– Следующее назначение – страховщик, – продолжал Плейдон. – Разметчик работает в опасных условиях, так что задача страховщика – обеспечить его безопасность. В ваших бронекостюмах сзади есть точка крепления. Проведите линию между лопатками, найдите место посередине – это она и есть. Страховщик направляет на эту точку на костюме разметчика страховочный луч. Мы часто называем его «спасательным тросом» – это понятие пришло к нам из доистории. Если вы видите, что разметчик сейчас ударится о камень, упадет в подземную дыру или им хочет полакомиться медведь, то ваша задача – с помощью закрепленного луча поднять напарника на безопасную высоту. Иногда от страховщика требуется молниеносная реакция.

Если мне доведется занять место разметчика, то, чувствую, со страховщиком возникнет проблема. Разметчик должен быть уверен в человеке, держащем другой конец спасательного троса, чтобы спокойно сосредоточиться на работе. Я здесь сама по себе среди кучки крыс, и доверять кому-то из них свою жизнь ой как не хочется. Но выбора нет. Либо это, либо придется наблюдать, как кто-то другой занимает желанную должность, а уж такого я точно не потерплю.

– Обычно назначают всего одного разметчика на конкретную территорию, – продолжал объяснять Плейдон, – потому что несогласованность действий двух разметчиков крайне опасна. Следовательно, и страховщик будет всего один. Еще одного человека, как правило, ставят на работу с сенсорными приборами. Он сканирует площадку на предмет опасных участков и, может быть, интересных находок вроде стазисных ячеек. Заметив какую-то неприятность, поисковик жмет тревожную кнопку, и страховщик быстро вытаскивает разметчика. И, наконец, один или несколько человек занимаются тяжелоподъемниками, которые с помощью лучей передвигают отмеченные камни. Большая часть нашего оборудования произведена военными, но такие подъемники обычно используются на стройке. И сегодня двое из вас будут ими управлять. Вопросы?

– Хм, я не понимаю… Я бывал на раскопках в Асгарде и… там все было иначе. Мы пользовались сенсорами, чайными ложками и маленькими кисточками, – нерешительно промямлил один из парней-гаммитов.

Несмотря на одолевшую меня нервозность, я не сумела сдержать смех.

– Что ж, – отозвался преподаватель, – там было немного по-другому. Если вы нашли очень редкое место с кучей драгоценностей, а времени – вагон, то можно и так поработать. На Земле ситуация иная. Вы не поверите, сколько здесь разрушенных городов! И мы ничего не накопаем в Нью-Йорке чайными ложками. К тому же у нас не хватит ни людей, ни времени. Только взгляните на это!

У меня не было нужды «на это» смотреть. Я все еще посмеивалась над мыслью, что можно раскапывать Нью-Йорк чайными ложками.

– «Когда б полгода семь девиц

В семь швабр песок мели, —

Прикинул Морж, – тогда б они

Управиться смогли».

Это произнесла Далмора, и я понятия не имела, с какого перепугу она вдруг вспомнила о моржах.

К моему удивлению, Лолия продолжила:

– «Едва ли, – Плотник отвечал,

Сронив слезу в пыли»[2 - «Морж и Плотник» Льюиса Кэрролла (перевод Евгения Туганова).].

– Прошу прощения? – переспросил Плейдон.

– Это старинное стихотворение, – пояснила Далмора.

– Льюис Кэрролл, – подхватила Лолия. – Он потрясный! Моя школьная специализация – искусство речи.

– Понятно. – Судя по тону, преподаватель так же сбит с толку, как и я. – Ну, у нас нет времени на чайные ложки. Исследовать даже один город – колоссальная задача, а таких городов тысячи. Время работает против спрятанных сокровищ – даже у стазисных ячеек есть срок службы, так что нам нужно достать все, что сможем, пока не стало слишком поздно. Поэтому давайте приступим, – подытожил Плейдон. – Пятеро из вас будут заниматься делом, а остальные – сидеть на перевозочных санях и внимательно наблюдать. Кто хочет занять опасный пост разметчика?

Вот мой шанс. Я тут же подняла руку и быстро посмотрела вокруг, чтобы увидеть конкурентов. Но таких не нашлось. Больше никто не поднял руки, так что Плейдону не удастся меня проигнорировать, верно? А если он все же откажется, то все станет ясно: девчонке-обезьяне никогда не дадут шанса, что бы ни случилось, поэтому я могу сразу паковать вещи и уезжать.

– Ладно, – без особого восторга согласился Плейдон, – Джарра будет разметчиком.

Ура-а-а! Я разметчик!

Преподаватель достал из ящика с оборудованием маркер и левитационный ремень и протянул их мне.

– Это маркер, Джарра. Он выжигает электронную метку на камнях. Постарайся выбирать…

– Я знаю, сэр, – заверила я. Застегнув ремень, я проверила настройки маркера и закрепила его на поясе.

– Помни, что левитационный ремень удерживает тебя на определенном расстоянии от земли, но когда поверхность смещается…

– Я знаю, сэр, – повторила я.

– Тебе следует подойти к страховочным саням и подождать, пока страховщик…

– …зафиксирует точку крепления. Да, сэр. – Я активировала свой ремень и подлетела к страховочным саням.

Одна из дополнительных прелестей разметчика – вы получаете левитационный ремень, так что не нужно бродить по трассе. Создавая эти тропы, люди разгребли завалы, но поверхность не стала такой же ровной, как в поселениях. Идти по трассе всегда очень трудно.

После того как я умчалась, Плейдон тяжело вздохнул и продолжил говорить по групповому каналу:

– Кто-то уже работал с тяжелоподъемным оборудованием?

Пока я нетерпеливо ждала возможности хоть что-нибудь сделать, отбор кандидатов продолжался. Я с ума сойду, если придется слушать эту бесконечную болтовню. Я работала на Периферийном раскопе Нью-Йорка с одиннадцати лет. И семь долгих лет ждала возможности поработать на Главном раскопе. И вот теперь я наконец здесь, а приходится стоять и выслушивать объяснения Далморы о том, что она умеет обращаться с видеооборудованием, болтовню Фиана о том, как он помогал устанавливать машины в солнечной обсерватории, и бормотанье Крата о подъеме мусорных контейнеров.

Я хотела крикнуть им всем: «Слушайте, вы, недалекие нормалы, вы стоите на раскопе. Давайте-ка заткнитесь и копайте!» Но я этого не сделала. Я отчаянно

хотела сохранить за собой место разметчика, так что нужно выглядеть и вести себя хорошо. Я знала, как это работает. Это проверка. Если я не справлюсь, Плейдон заменит меня кем-то другим. Справлюсь хорошо – стану постоянным разметчиком.

Обычно я чувствовала себя уверенно. У меня большой опыт, в отличие от других. Я должна была выглядеть впечатляюще, но сейчас скорее напоминала комок нервов из-за своей «обезьяньей» проблемы. Даст ли мне Плейдон шанс? С самого моего прибытия он заставлял меня демонстрировать военные навыки и знания, пытаясь выставить дурой перед всем курсом, но мы заключили временное перемирие, поясняя студентам, как надевать бронекостюмы. Это уж точно мне зачтется.

В мою пользу работало и кое-что еще. Возможно, преподаватель и не в восторге от обезьян, но только полный идиот поменяет хорошего разметчика на неумеху. Это всего лишь подготовительное отделение, а не исследовательская группа, но нашему курсу все равно необходимо отыскать как можно больше стазисных ячеек. В каждой из них, вероятно, найдутся жизненно важные сведения или артефакты. Любое полезное открытие не только помогало всему человечеству, но и щедро оплачивалось. И хотя мой школьный исторический клуб выбирался только на Периферийный раскоп, мы все равно смогли оплатить все текущие расходы с помощью нескольких щедрых выплат за найденные вещи. Курсы университета Асгарда также должны сами заботиться о финансировании.

Плейдон наконец поручил Амалии и Крату управлять подъемниками, а гаммита по имени Джот поставил по ту сторону моего страховочного троса. Далмора же будет помогать руководителю группы с сенсорными приборами. Нашему наставнику пришлось взять на себя роли и поисковика, и руководителя, потому что работе с сенсорами быстро не научишь.

Когда он распределил всех по нужным саням, то еще целую вечность объяснял студентам, как управлять техникой. Потом мы раскинули сенсорную сеть, что тоже заняло кучу времени, потому что Плейдон показывал, как установить сенсорные колышки, и сам установил все четыре. И все это время я с напряжением ждала возможности проявить себя.

И наконец Джот закрепил страховочный луч на моем костюме. Каждый раз, как на спине фиксируется точка крепления, у меня появляется странное ощущение между лопаток, словно в этом месте зудит от нестерпимого желания почесаться.

Если я доверяю своему страховщику, то неприятное ощущение быстро проходит. А вот если моя жизнь зависит от крысы-новичка, то, думаю, я не избавлюсь от этого чувства. По правде говоря, оно становилось все сильнее. Я долго ждала возможности стать разметчиком на Главном раскопе Нью-Йорка и наконец им стала, но придется быть крайне осторожной. Зуд подсказывал, что на моего страховщика полагаться нельзя.

Я активировала левитационный ремень и подлетела к сенсорным саням посмотреть, что у нас есть. Плейдон уже рассматривал показатели и объяснял их Далморе, так что я встала рядом с ними. Сначала посмотрела на каждый из шести периферийных экранов, которые отражали основные риски: пожар, электрическую и химическую опасности, угрозу затопления, радиацию и магнетизм. Последние два сенсора вряд ли засекут что-то, но если вдруг – то придется полагаться только на свою реакцию, так как против этих видов опасности бронекостюмы не спасут.

Судя по показателям, все чисто. В центре, на главном экране выводились сложные графики и узоры, и я увидела пятно, которое могло оказаться стазисной ячейкой. Ключевая фраза: «могло оказаться». Стазисные ячейки сконструированы таким образом, чтобы их содержимое сохранялось как можно дольше при минимальных энергозатратах. Это значит, что датчики просто не могут уловить никаких остаточных энергетических волн. То есть работа заключается не в том, чтобы посмотреть на сенсоры и увидеть, где именно находится ячейка, а в том, чтобы определить все места, где ее быть не может.

– Похоже, она находится глубоко, – заметила я.

– Что такое? – спросил Плейдон.

Я указала на пятно:

– Стазисная ячейка. Если, конечно, это она.

– У тебя есть опыт работы с сенсорами? – заинтересовался преподаватель.

«Ну уж нет, – подумала я. – Не желаю торчать на поисковых санях».

– Вообще-то нет, сэр. Мне просто хотелось мельком взглянуть на место, прежде чем начать разметку.

Я посмотрела на груду булыжников, под которыми, по идее, должна находиться ячейка. С одной стороны виднелись остатки стены. Тут, наверное, довольно крепкий цементный фундамент, который сложно перемещать. Лучше даже не пытаться, а использовать этот фундамент себе на пользу. Обычно нужно очистить большую территорию и убирать слой за слоем, чтобы булыжники не рухнули. На этот раз я смогу уменьшить объем работы, очистив путь до стены и надеясь, что ее фундамент устоит и обвала в этом месте не будет.

Тут также находилось несколько подходящих камней, на которых мои начинающие операторы подъемников смогут попрактиковаться. Я снова активировала ремень и подплыла к булыжникам, чтобы начать работу.

– Рабочая группа будет общаться по групповому каналу связи, – пояснял Плейдон. – Остальные должны настроить свои приборы на режим «только слушать», чтобы не отвлекать работников пустой болтовней. Джарра, тебе лучше начать с…

Я поставила метку на первый камень. Если вдаваться в технические подробности, это не совсем камни, а большие куски бетона, или бетонита, или что-то типа того. Честно говоря, мне наплевать. Это громоздкие глыбы обломков, которые надо подвинуть, и я называю их «камнями». Моя главная задача – выбрать на них прочное место, подходящее для разметки, потому что иногда они разлетаются на куски, стоит подъемному лучу их подцепить. Разметчик производит дурацкое впечатление, если эти лучи откалывают кусок, а основная часть булыжника так и остается на месте. Но с опытом учишься замечать подходящие для меток места.

– Да, с этой группы. Похоже, ты знаешь свое дело, – заметил Плейдон.

Я поставила метки еще на три камня и прошла приличное расстояние назад, в противоположную от стены сторону. И тут что-то потянуло меня за спину. Я застыла.

– Джот, тебе не надо тянуть за страховочный луч, если со мной все нормально. Мне нужна свобода действий.

– Прости, – извинился Джот.

По моим расчетам, я отошла на безопасное расстояние, так что мне не страшны даже самые неопытные новички, управляющие подъемниками.

– Мне нужно, чтобы грузчики очистили от камней путь передо мной, – сказала я. – Я сейчас смотрю на стену, по другую сторону которой вы увидите совершенно плоскую территорию с углублением посередине. Там, наверное, и была найдена стазисная ячейка. В этом месте больше никто копать не будет, так что туда можно переложить наши булыжники.

– Джарра разметила для вас первые четыре камня, – пояснил Плейдон. – Амалия, закрепи луч на одном из них и перемести его. Как только камень придет в движение, Крат займется следующим. Действуйте по очереди.

Крат и Амелия передвинули камни. Пусть и очень-очень медленно, но им удалось. Моя спина все так же сильно чесалась.

Жужжание коммуникатора на моем костюме изменилось. Плейдон обращался ко мне по личному каналу:

– Джарра, вижу, ты уже этим занималась.

– Да, сэр, – ответила я.

– Что ты собираешься делать с этой стеной?

– Оставить ее, сэр. Стена послужит крепким барьером с той стороны.

– Хороший план.

Жужжание на личном канале стихло.

Я вернулась к нагромождению камней, используя левитационный ремень, чтобы парить над обломками. В этом месте лежало особенно опасное скопление кусков бетона с острыми краями и осколков битого стекла, торчащих вверх словно

копья. Я положила руку на кнопки управления ремнем, чтобы подняться повыше над грудой деформированного металла, который преградил мне путь, как вдруг почувствовала, что страховочный луч опять натянулся. Он поднял меня очень высоко в воздух над деформированным металлом, а потом резко перебросил на другую сторону.

Бедный левитационный ремень сначала отключился, когда я подлетела выше зоны его действия, а затем включился снова, стоило мне оказаться в пределах нужного диапазона. Но к тому времени я уже слишком быстро падала. Я ударилась о землю прежде, чем ремень успел меня остановить, и бронекостюм тотчас сработал. Его материал вдруг окаменел, защищая меня от осколков стекла, а ремень снова поднял меня над землей.

– Джарра? Ты не ранена? – резко спросил Плейдон.

– Прошу прощения, – заныл Джот. – Я думал, что ремень медленно ее опустит, когда я отключусь.

Шок от полного окаменения брони всегда на мгновение лишает меня способности дышать. Но я все-таки сумела произнести:

– Все нормально.

Материал костюма размяк и позволил мне двигаться. Я подлетела к более безопасному месту, где смогла осмотреть себя, костюм и ремень на предмет повреждений. Левитационные ремни всегда легко выходят из строя в подобных случаях, но проверка показала, что в этот раз мне повезло: ремень не пострадал от осколков стекла.

– Джот, ты отпустил Джарру, когда она находилась вне рабочих границ ремня, – пояснил Плейдон. – К счастью, она серьезно не пострадала. Но запомните все: левитационные ремни не всесильны; провались под Джаррой земля или случись оползень – она бы упала точно так же, как только что.

Преподаватель помолчал.

– Джарра, проверь свой ремень и проведи диагностику костюма. Удар об острый край мог причинить ущерб.

– С ремнем все в порядке, а костюм уже сам проводит диагностику, сэр, – ответила я.

И если в моем по-военному спокойном голосе и проскользнула нотка угрюмости, то совершенно оправданно: если костюм проводит автоматическую диагностику, то я здорово плюхнулась на что-то острое. Задача страховщика – предотвращать подобные опасности, а не становиться их причиной.

– Тогда мы подождем несколько минут результата диагностики, – подытожил Плейдон.

Жужжание моего коммуникатора свидетельствовало, что руководитель группы опять подключился к моему личному каналу связи.

– Ты уверена, что не ранена, Джарра?

– Уверена, сэр. Думаю, что получила приличный синяк в момент активизации бронекостюма.

– Понятно, но ты сильно упала. И это не первая ошибка. Я почувствовал, что Джот своим излишним рвением сильно тебе мешал. Ты согласна?

И это еще слабо сказано! Я могла бы выпалить пару нецензурных словечек о том, что я разметчик, а не кукла-марионетка Джота. Хороший страховщик не должен ничего делать, пока не заметит, что напарник в опасности. Вот тогда нужно действовать – и действовать молниеносно.

– Боюсь, от Джота у меня чешется точка крепления, сэр. Простите, я имею в виду, что…

– Я знаю, что это такое, Джарра. Если ты настолько опытный разметчик, что чувствуешь зуд, то лучше сама выбери страховщика. Кого ты хочешь поставить на другой конец страховочного луча?

Я быстро перебрала варианты. Я не знала имен большинства студентов. Бетанцы бесполезны. Дельтанец Фиан умен и, похоже, внимателен к деталям. Я не прислушивалась к бесконечным обсуждениям того, кто что умел, чтобы запомнить, работал ли Фиан с подъемным оборудованием, но управление страховочным лучом не так уж сложно освоить. Важнейшие качества для страховщиков – обращать внимание на передвижения разметчика и чувствовать, когда пора использовать луч, а когда – нет.

– Фиана, сэр.

– Отлично, – одобрил мой выбор Плейдон. – Я слегка поменяю команду, чтобы не показать явно, что снимаю Джота. Мне не нравится слишком клевать ученика в первый же день на раскопе, но он совсем не подходит на роль страховщика.

Жужжание изменилось, стоило преподавателю переключиться на групповой канал:

– Пока мы ждем результатов диагностики бронекостюма Джарры, я вас поменяю местами. Амалия, передай на некоторое время управление своими санями Далморе. Останься рядом с ней и проверь, запомнила ли она, как и что делать. Фиан, займи место страховщика. Джот, передай страховочный луч Фиану, а сам иди к поисковым саням и следи за экраном.

Студенты поменялись местами.

Я объявила:

– Диагностика костюма завершена. Он в порядке.

– Джарра, не могла бы ты подойти к страховочным саням? – попросил Фиан. – Мне нужно закрепить страховочный луч.

– Он уже должен быть закреплен, – перебил его Плейдон.

– Зеленый огонек не горит, – пояснил Фиан.

– Я отцепил луч перед тем, как поменялся с Фианом, – сказал Джот.

«Ну разумеется», – с горечью подумала я.

Какой умник просто отцепляет страховочный луч, пока разметчик находится в опасной зоне? Ответ: крыса, которая хочет убить Джарру. Если честно, то мне безопаснее было бы с Лолией в качестве страховщика. Я закусила губу, чтобы не нагрубить.

– Джарра, пожалуйста, выбери самую безопасную дорогу до трассы и двигайся осторожно, – посоветовал Плейдон.

Я осторожно пролетела обратно к трассе и направилась к страховочным саням.

Преподаватель молчал, пока я не добралась до места, а затем заговорил, не повышая голоса, но заставив всех остальных замереть и слушать:

– Основные правила безопасности на раскопе: все должны работать с трассы, насколько это возможно, а если нет, то хотя бы с выбранной безопасной зоны. В опасную зону заходит лишь разметчик. И к нему – или к ней – должен быть прикреплен страховочный луч. Ни в коем случае нельзя отцеплять его, если разметчик находится в опасной зоне. И кто-то всегда должен присутствовать на страховочных санях, когда разметчик в зоне риска. Это ясно? – Плейдон помолчал. – Пожалуйста, подождите.

Фиан прикрепил страховочный луч к точке крепления на моем костюме, посмотрел на свою руку, проверяя настройки коммуникаторов, и прошептал мне:

– Из-за меня у Джота будут неприятности?

Я установила свой канал связи только на прослушивание и прошептала в ответ:

– Нет, Джот сам себя втравил в неприятности. Нельзя позволять мне работать там без страховочного луча. Если бы произошел несчастный случай…

Мы все стояли в молчании.

Через некоторое время Фиан шепотом спросил:

– Чего мы ждем?

– Мне кажется, Плейдон разговаривает с Джотом по личному каналу, – ответила я.

По моим соображениям, преподаватель изменил свое мнение о том, чтобы сильно не «клевать» ученика в первый же день на раскопе. Первая ошибка Джота была достаточно серьезной, но отцепление луча – просто преступная дурость.

Плейдон наконец заговорил на общем канале:

– Джарра, как только будешь готова, продолжай работу.

Я дважды перепроверила зеленую лампочку на страховочных санях на случай, если Фиан окажется еще одним маньяком-убийцей, а потом проплыла над руинами, чтобы продолжить разметку. Какое-то время работа шла как по маслу, и я слегка расслабилась. Фиан не стеснял мои движения, как Джот, и вроде бы даже не пытался меня убить.

Я уже начала гадать, не уснул ли Фиан, когда произошел небольшой оползень. Я соскользнула в сторону, а левитационный ремень слегка замкнуло, когда земля немного сдвинулась у меня под ногами. Всего на секунду я почувствовала натяжение страховочного луча, который помог мне сохранить равновесие и сразу отпустил, как только ремень снова заработал, но я поняла, что мой страховщик начеку и делает свою работу.

Плейдон перекинулся со мной парой слов по личному каналу, спросив о зуде в районе точки крепления. Я ответила, что ощущение постепенно угасает, а Фиан намного лучше Джота.

Через некоторое время все достаточно крупные куски, подлежащие маркировке, были сдвинуты, так что пришла пора убрать слой маленьких обломков, усеивающих мое рабочее место.

– Тягловую сеть, пожалуйста.

Я вернулась к трассе. Это было совершенно необязательно, пока тяжелоподъемники протаскивают тягловую сеть по месту раскопок, но лучше отойти на безопасное расстояние, так как процесс довольно грязный. А после того как меня помотало на страховочном луче, словно тряпичную куклу, я предпочитала не рисковать.

Плейдон снова подозвал к себе Далмору, чтобы та смогла еще немного потренироваться работать с сенсорами, и приказал Джоту взять перерыв. Гаммит присоединился к остальным студентам, сидящим на перевозочных санях, наблюдая за работой. Могу себе представить, о чем он сейчас думает. У Джота был шанс попасть в команду номер один, а он его профукал. Теперь ему еще повезет, если достанется место на тяжелоподъемнике в четвертой команде, потому что он мог вообще оказаться среди отбросов в командах номер пять или шесть. Я даже посочувствовала ему. На мгновение.

Амалия и Крат снова сами управляли тяжелоподъемниками. На месте Амалии я бы вздохнула с облегчением. Она, должно быть, недоумевала, с чего это Плейдону вздумалось отдавать ее место Далморе, но теперь ей, наверное, понятно, что на самом деле произошло.

И вдруг я поняла, что делаю слишком много предположений. Это же кучка невежественных крыс! Они понятия не имеют о распределении по группам или о том, как важно оказаться в первой или второй, в крайнем случае, в третьей или четвертой команде. Если окажешься в компании отбросов в пятой или шестой группе, то придется все время только сидеть и смотреть, а не работать на раскопках.

Плейдон принялся пояснять принцип действия тягловой сети:

– Пока что мы использовали лучи подъемников, плотно сконцентрированные и зафиксированные на маркированной точке, чтобы передвигать один тяжелый объект за раз. Теперь настала пора расширить область действия лучей, развернув их веером, и протащить их по месту, чтобы убрать обломки поменьше.

Я подошла к страховочным саням – именно сюда обычно уходит разметчик, если не работает на месте раскопа – и смотрела на тягловую сеть в действии. Клубы пыли кружились в сиянии лучей, пока множество мелких обломков, подпрыгивая, скатывались на груду камней, которую до этого свалили туда

тяжелоподъемники. Большая часть обломков попадала в нужное место, хотя иногда камень побольше прыгал весьма непредсказуемо. Всегда находилось несколько камней, которые оказывались слишком маленькими для разметки, но слишком большими для тягловой сети.

– Я делаю все правильно? – нервно спросил меня Фиан.

– Хорошо, я даже через какое-то время перестала чувствовать зуд, – ответила я.

– Что? – переспросил он.

Времени объяснять не было, так как место уже расчистили и ждали, пока я снова примусь за разметку. Я направилась к опасной зоне, радуясь, что Плейдон не воспользовался моей передышкой, чтобы заменить меня кем-то другим. Я не могла недооценивать тот факт, что преподаватель знал: я – обезьяна. Но я наверняка смогу стать разметчиком хотя бы во второй или третьей группе.

Мы успешно переместили еще два слоя камней и оказались примерно на одном уровне с вероятным местонахождением стазисной ячейки. Я только принялась отмечать большой камень – или кусок бетонита, если вы слишком придирчивы к деталям, – когда послышался вой сенсорной сигналки. Плейдон или Далмора нажали на тревожную кнопку.

Инстинктивно потянувшись к кнопкам управления на левитационном ремне, я вдруг взмыла в воздух на конце страховочного луча и стремительно полетела к трассе. Что-то взорвалось там, где я работала, и по всему моему участку посыпались громадные булыжники, но я уже находилась на безопасном от них расстоянии, паря высоко в воздухе над страховочными санями.

Я провисела так несколько секунд, прежде чем меня осторожно опустили на трассу рядом с санями.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Old Lang Zine – Auld Lang Syne (рус. «Старая дружба» в пер. Маршака) – шотландская песня на стихи Роберта Бернса, написанная в 1788 году. Известна во многих странах и чаще всего поется при встрече Нового года, сразу после полуночи.

2

«Морж и Плотник» Льюиса Кэрролла (перевод Евгения Туганова).

Купить: https://tellnovel.com/edvards_dzhanet/devushka-s-zemli

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити